

Мои наполовину

ЛИЛА КАТТЕН

Ли́ла Катте́н

Мой наполовину

«Автор»

2023

Каттен Л.

Мой наполовину / Л. Каттен — «Автор», 2023

Она: Я не умею доверять людям. Я боюсь, что они могут принести новую боль. Мой сын никогда не узнает своего отца, а я вряд ли смогу полюбить... Не после того, что со мной случилось. Но эти мысли растворяются, когда моя жизнь переворачивается с появлением его. Я учусь доверять ему... А потом жизнь снова делает крутое пики, в котором невозможно остаться прежней.

Он: Я женат много лет. У меня есть сын, которого я очень люблю и жена. Я никогда не думал, что в моей жизни будет место другой женщине. Мой путь был ровным, спокойным и размеренным. Но однажды я совершил одну ошибку... Ту, которая делит напополам все... Я полюбил... другую...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ли́ла Каттен

Мой наполовину

Глава 1

– Ну, Алла Ильинична. Я ведь уже переделалась. У меня завтра важный день по английскому и немецкому языкам, надо домой готовиться, а не по городу мотаться.

«А еще у меня сын болеет», – хотела сказать, но не стала вешать на нее то, о чем ей знать не стоит. Мне и мамы достаточно, которая вечно тыкает тем, что она сидит с ним дома и говорит, что я рожала его для себя.

Думаю, она никогда не смирится с этим фактом. Не могу ее осуждать, но всегда отвечаю на ее колкие фразы, о том, зачем мне нужен этот «выродок», как говорит она.

Хотя нет, осуждаю. Ненавижу. Просто презираю ее, стоит услышать эти и подобные им слова.

На глазах слезы и гнев – это все, что я ощущаю в разговорах с ней. Вот только уйти не могу. Няня дорого, а сыну всего полгода.

– И что ты предлагаешь, Саша? Бросить ресторан и ехать самой отвозить заказ? Отлично. Я же всего лишь администратор здесь. Все будет в порядке, пока я буду отсутствовать два часа.

– Я не об этом... Ну, есть же кто-то...

– Кто? Смена началась, народа в зале видела сколько? Утренние официанты – ты и Жуков, который уже уехал. Курьер наш заболел. Или бармена отправить?

– Блин, – с нитьем выдыхаю и, естественно, соглашаюсь.

Не люблю разносить заказы в номера, потому что у нас отель-ресторан и никогда не делаю этого. Пояснять Алле старалась максимально, другими словами, не говоря об истинной причине. Но отвезти обед в принципе не одно и то же. Так ведь?

Не хватало мне еще потерять работу, которая приносит хороший доход, хоть и приходится впахивать на ней так, что ноги отваливаются.

Принимаю бумажные пакеты с едой, листок с адресом бизнес-центра и деньги на такси, которое уже ждет меня у входа.

Если честно держать в руках обед, который стоит под пятерку, страшно. Я на эти деньги в месяц накупаю сыну памперсов и питания детского. Но если бы могла себе позволить подобное, отказываться не стала. Потому понимаю людей, которые смогли добиться в этой жизни того, чтобы я возила им в офис еду.

По закону жанра мы встаем в пробку, которая тянется по всей центральной улице.

Лихорадочно проверяю телефон, но мама не пишет и не звонит. Это плюс. Главное, чтобы малышу не стало хуже. Скорей бы уже вылезли эти зубы.

Разглядываю заставку экрана, с которой на меня смотрят любимые серые глазки.

Я не вижу в Гордее его лица. Совершенно нет. Быть может, когда он подрастет, но к тому времени, образ того ублюдка сотрется из памяти. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Почти засыпаю, пока мы медленно приближаемся к адресу доставки.

Расплачиваюсь с водителем и, сунув в карман сдачу, ступаю к красивой стеклянной высотке, от которой отражается полуденное солнце тысячей ярких зайчиков.

Улыбаюсь и вовремя спохватываюсь, вспомнив, зачем я тут.

Администратор в фойе пропускает, оповестив, в какой мне офис конкретно нужно и на какой этаж, пропустив через терминал.

Огромный лифт с зеркальными поверхностями совсем не похож на ту коробку картонную в моем доме.

Дальше новое фойе мебельной компании «Оникс».

– Здравствуйте. Доставка на имя Марвина Олега.

– Добрый день. Пройдите налево до конца коридора.

– Спасибо.

Преодолела симпатичный коридор, заполненный цветами и картинами на стенах, упершись в приемную «Директора по производству». Но открыв дверь неожиданно отмечаю, что секретаря нет, и я немного теряюсь. По правилам, что мне озвучили, я отдаю еду помощнице или же самому заказчику. Мне прилетают чаевые, и я счастливая уезжаю. И как быть мне сейчас?

Пока верчусь туда обратно, задеваю курткой органайзер с ручками и прочими письменными принадлежностями. Те падают и звонко меня подставляют.

Из-за приоткрытой двери стал слышен громкий мужской голос, который кого-то ругал, и я догадалась, что, скорее всего, девушка там, получает нагоняй от начальства, потому что я долго ехала.

– Где мой обед? – внезапно раздался грозный возглас, а я решила спасти несчастную. Правда, не понимаю зачем.

Вошла туда и потерялась от уровня яркости кабинета. Как он тут не обгорел? Солнце осеннему палило в окна, а мужчине хоть бы что.

Он стоял лицом к ультрафиолетовым лучам и говорил, но как я поняла, заметив, что он один, по телефону. Неловко вышло.

Хотела выйти, как скрипнула дверь.

– Там накрой и побыстрей, – не поворачиваясь приказал и продолжил кого-то отчитывать за какой-то там брак.

Как поступить не имела понятия. Я не хотела перебивать мужчину и говорить, что он немного ошибся в том, кому приказывает, или чтобы забрал свой обед. И в то же время не хотела уходить без чаевых. Не дура же я. Мне Поля сказала, что обязательно должны дать, тем более в этой компании, с подобными-то заказами. Это меня и радовало, раз я не еду домой, а по работе, потому что заработать смогу.

Секунду сомневаясь, я тихо подошла к столу у кожаного зеленого дивана и стала вытаскивать контейнеры. Они были пластиковыми с красивым логотипом ресторана. Расставила все, как делаю обычно на работе. Даже вытащила приборы и не какие-то там пластиковые, а обычные из нержавеющей стали, которые мы после завтрака натирали собственноручно. Зря, что ли, пять штук за обед выложили.

Что делать дальше? В руках остался только пустой пакет.

– Я сказал тебе это сделать. Вот и делай. Все.

Мужчина сбросил вызов и, поставив руки на широкий подоконник, склонил голову шумно выдыхая.

Я невольно перевела глаза за окно и увидела необычайно красивый вид. Этот офис из двух «близнецов» выходил на парк с высоченными деревьями, которые было видно даже с шестого этажа, где я сейчас и стояла.

– Вау... – вырвалось у меня, и стоящий до этого спокойно хозяин кабинета ожил, резко повернувшись ко мне.

– Люда... Ты кто? – видно, решив, что тут его секретарь назвал ее по имени, но здесь оказался сюрприз в виде меня.

– Я еда... еду... Вот, – от его грозного тона я немного потерялась в который раз за последние полчаса. Быстро опустила глаза, потому что зрительный контакт не мое. Только сыну я могу вот так смотреть в его прекрасные глазки и не отводить свои.

– Ты еда? Или привезла еду?

– Привезла.

– Где Люда?

– Я... Я не знаю. Там никого не было, а вы закричали: «Где мой обед?» и я решила, что стоит войти, потому что думала, что вы... – я бы ему рассказала обо всем, что было с момента моего приезда, потому что на нервах тараторила всегда быстро и часто не по делу, но он меня остановил гневным: «Молчать».

– Ты не имела права подслушивать мой разговор и тем более входить в кабинет. Чаевые ждешь?

Его тон, взгляд, который я заметила, когда метала своим по кабинету, они были злыми и тяжелыми.

– Я не подслушивала, честно... – отчего-то мои губы тряслись.

Я не та, что мастерит словом или делом. Я не умею за себя постоять. Тихая и спокойная. Появление сына многое изменило, и теперь мне приходится биться за двоих, но я все та же. Характер закаляю, но часто это не помогает. Как сейчас.

– Я вопрос задал – чаевые ждешь?

– Да... – ответила со стыдом заливающим и лицо, и мое нутро, хотя надеялась скорее сбежать, наплевав на деньги.

– Можешь не рассчитывать на них. Ты должна была стоять там и ждать, когда придет моя помощница, а не вламываться в кабинет, куда тебя не звали.

– Но вы же... – хотела вставить хоть слово, но знала, что ничего членораздельного не произнесу, да он и не позволил.

Более того, он стал надвигаться, кажется, на меня и я ощутила себя маленькой пешкой, перед величественным ферзем, если не королем.

– С работой ты не справилась. А теперь я даю тебе три минуты убраться из моего кабинета и этого здания, пока я не позвонил в вашу забегаловку и не приказал тебя оттуда уволить. Уяснила?

Я закивала головой и словно ждала, когда меня еще под зад пнут. Но стояла на месте, рассматривая свои кроссовки.

– На меня смотри.

Вдруг строго сказал, и я с опаской подняла голову.

Мужчина долго всматривался в меня. Не сталкиваясь с ним взглядом, уставившись на его нос, я знала, что именно привлекло его внимание – глаза, которые казались в ярком свете очень светлыми, а зрачок точкой черной виднелся в его центре. В тусклом освещении они почему-то становились ярко-голубыми.

Но как говорит моя мама, что это жутко и часто просит не смотреть на нее в упор.

– Свободна, – рявкнул очень резко, что я дернулась, едва устояв на ногах, а после унеслась прочь.

Остановилась только далеко от дьявольского бизнес-центра и выдохнула, ощутив на своих щеках совершенно дурацкие слезы.

Всю дорогу домой, закончив с проклятиями на этого сноба в костюме, вспоминала о том, что хотела купить, потому что список потерялся где-то. Может, и выронила его, когда сумка упала еще в том офисе.

Вышла на своей остановке и, заглянув в супермаркет, оставила там целых три тысячи. Не люблю утренние смены. Чаевых мало. То ли дело вечерние, когда люди сытно ужинают, заказывая дорогие деликатесы и напитки.

Стоило войти в квартиру, как я услышала, плач сына.

Поспешила к нему едва сняв обувь и увидела маму, не обращающую на него внимания, сидящую в кресле, а малыша, разрывающегося в кровати.

– Мама... – мокрыми от слез глазами посмотрела на нее и подошла к Гордею.

– Явилась. Наконец-то, – она встрепенулась и встав заходила вокруг. – Приучила к рукам, вот и таскай, а я не буду.

Подняла его и прижала к себе. Самое дорогое, самое ценное, что есть у меня. Мое маленькое солнышко во мраке уродливой и суровой жизни.

Он всхлипывал и будто обнимал меня за шею, разрывая в клочья измученное сердце.

– Как же ты так можешь с ним... со мной? – не пытаясь узнать ответ, просто сказала вслух свои недоумевающие мысли.

– Сама виновата. Сделала бы аборт и жила себе спокойно, – ее звонкий голос бил по натянутым нервам, но я была не готова сейчас идти с ней в бой.

Я соскучилась по сыну, я хочу побыть с ним вдвоем, и только. Успокоить и сказать, как сильно я его люблю.

– Как же ты можешь... – шепнула себе под нос, уходя в нашу с ним спальню.

– Нечего было рожать от насильника, – услышала вдогонку, и сердце сжалось так сильно, что, казалось, оно просто исчезнет.

– Тише милый... Тише... – закрыла дверь ничего ей не ответив, потому что беззащитна перед его неосознанным ласковым взглядом, слезы на ресничках которых еще не высохли. – Мамочка рядом, родной. Мама тебя очень любит.

Глава 2

Расцеловываю сына. Переодеваю и кормлю.

Злость на мать стирается смехом моего малыша, его любовью. Мне не привыкать к ее словам, отношению к внуку, которого она таковым не считает. Но я просто жду. Жду, когда он подрастет и мы наконец-то съедем отсюда. Гордей пойдет в сад, а я буду спокойно работать.

Мне удалось немного поднакопить денег. Благо пособия детские сейчас дают приличные, матерям-одиночкам. Карта регулярно пополняется, а я чувствую, что все у нас получится. Выхожу из спальни, когда сын, поиграв немного засыпает. Все осложняется сейчас еще зубками, которые начинают лезть.

Мама на кухне готовит ужин и недовольно смотрит, когда я раскладываю детское питание в холодильник.

– В наше время не было никаких пюре и соков. Кормили грудью и кашами, а потом и со стола всем, что ели сами.

– Мы не в твоём времени живем. Я могу позволить себе покупку прикорма для сына, я это делаю.

– Может она, – фыркает, продолжая помешивать мясо на сковороде.

– Я у тебя на сына ни копейки не взяла с момента его рождения и на шее твоей не сижу. Так что не лезь в мой карман, – укладываю последние соки и убираю пакет в полку.

– Если не буду лезть, по миру пойдем.

– Мы? Или ты? – выпрямляюсь и смотрю на ее эмоции, которые бегают по лицу. – Вряд ли ты за нас с Гордеем переживаешь.

– Упрекаешь меня деньгами? Я смотрю за твоим... этим выро...

– Не смей, – угрожающе шепчу и смотрю на нее не менее дико. – Ты меня уже достала. Сидишь дома, не работаешь. Я тебя кормлю, одеваю, оплачиваю коммунальные услуги за всех нас. И в ответ прошу просто сидеть с моим сыном. Твоим внуком, это что сложно?

– Сложно, если он рожден в грязи, а его отец...

– У моего ребенка нет отца, мама. У него есть только я. Я его мама, папа, бабушка и кто угодно. Я, – прикрикиваю срываясь. – Когда же ты поймешь наконец, что я ломаюсь изнутри, когда ты все это произносишь. Это я пережила боль, я... – бью себя в грудь, роняя горькие слезы обиды. – Не ты. И я решила, что мой малыш родится. Я... Твоя дочь... А он, лишь маленький ребенок. Мой ребенок, – снова бью себя в грудь и, захлопнув дверку гарнитура, ухожу из кухни.

Дрожащими руками открываю дверь балкона и выхожу на него. Голова идет кругом и кажется, что я вот-вот упаду, но, хватаясь за поручень, удерживаюсь.

Напоминаю себе купить за таблетки от головной боли, которая часто бывает из-за недосыпа или тяжелого трудового дня, когда пойдем с Гордеем на плановый осмотр к педиатру.

Умолкаю изнутри и стараюсь ни о чем не думать, но все равно среди тишины, насильно натянутой мной в мозгах будто пеленой, бьется осознание, что она никогда не примет мое решение.

Больше в этот вечер мы с мамой не говорили и не пересекались практически. В основном так и проходят наши дни, когда мы обе дома. Сначала претензии и громкие слова, потом молчание.

Укладываю сына спать, искупав и «успокоив» его набухшие десна, приступаю к изучению языков.

Недавно я узнала, что у нас в отеле открыта вакансия на должность администратора на входе или портье, кому как удобно.

Заработная плата хорошая, график отличный. Поэтому я, не раздумывая, решила себя попробовать, но проблемой стали языки. Так как отель высокого уровня и в нем останавливаются люди разных стран, необходимо знать два основных на отлично: немецкий и английский. И если со вторым я была в ладах, кое-что знала, то немецкий оказался для меня неведомым зверем.

Вакансию пообещали придержать, а мне дали время на обучение.

Завтра завершающий этап. Если меня возьмут на эту работу, я все равно продолжу заниматься и учить их до совершенства. Но, главное – сейчас научиться объяснять элементарное и уметь понимать гостей.

До трех занималась и легла спать совершенно обессилив.

Проспала до десяти, порадовавшись, что я сегодня в вечернюю смену. Сыну уже лучше было. Температура не поднималась, носик в основном чистый, кашля нет.

Быстро наступил обед, а там время подбежало к отметке трех часов.

– Не хочу уходить от тебя, родной, – шепчу, зацеловывая его ароматную щечку. – Но мне нужно. Ты меня простишь, солнышко?

Он счастливо хватается за волосы и тянет их со звонким «тя-тя-тя».

– Полагаю это мое наказание? – аккуратно забираю их обратно и заглядываю в светлые глазки. – Я люблю тебя, малыш. Помни об этом, ладно?

Поднимаю Гордея на руки и выношу из комнаты. Кладу в кроватку, где много его любимых игрушек, на которые он переключает внимание.

Несколько секунд смотрю, как он, ловко перевернувшись на животик, сразу с ними начинает играть и, скрепя сердцем, выхожу в коридор.

Заглядываю на кухню к маме и прошу единственное, что важно мне.

– Прошу, присмотри за ним.

– Присмотрю, – бросает со злостью. – А как иначе?

– Спасибо, мам.

Она так и не оборачивается, а у меня нет времени ждать, поэтому я обуваюсь и ухожу.

Каждый раз делать это все сложнее. Сердце просто выскакивает из груди, а душа падает на землю от безысходности. И я молюсь... Чтобы все было хорошо, чтобы скорее вернуться обратно.

Приезжаю к четверем на работу и сразу же погружаюсь в мини-собеседование. Просто общение на английском, немецком. Попытка понять что-то на том же итальянском. В общем, происходит то, чего я боялась.

Стараюсь не запинаться, не икать, вспоминаю все что могу и как могу, выпутываюсь из щекотливых ситуаций. Хорошо, что сегодня это проверка языка. Потом уже будут оценивать работу как портье. Мне пошли на уступки, за что я благодарна. Надеюсь, что еще и удовлетворены останутся быстрой подготовкой.

Девочки показали мне пальцы большие, направленные вверх, и я воодушевилась, уходя в ресторан.

Смена сегодня «богатая». Народа уйма. Практически без отдыха «летаем» все вместе по залу, зарабатывая деньги.

В два ресторана уже почти закрывается и тут нам звонят из номера и заказывают поздний перекус.

Алла Ильинична принимает его и отдает мне.

– Простите, но я не могу.

У нас с официантами договоренность, что все, кроме меня, берут заказы в номера. Вопросы были, но я дала понять, что не отвечу. Просто попросила и все. Они, итак, не против, порой дают большие чаевые. Но администратор не в курсе.

Это сложно. Жить вот так и не уметь многие вещи. Не иметь силы перебороть страхи после случившегося. Не иметь сильного плеча за спиной. Ведь даже мама, рядом, но не со мной заодно.

У меня нет времени на жалость к себе, но все не так просто. Потому что я пока что даже не хочу думать о мужчинах, об отношениях и прочем. Это не для меня. Я стараюсь себя обезопасить от любых подобных моментов.

– То есть как это не могу, Саша? Бери заказ. Жди, когда Алексей приготовит и наверх. Не могу, – повторяет мои слова с усмешкой уходя, дав понять, что разговор окончен.

Бегу к Лёне и прошу его взять заказ.

Он, конечно, соглашается, но, когда Алла узнает об этом, тут же наступает.

– Я что-то не поняла, ты на определенных условиях здесь работаешь, Александра?

– Нет, разумеется. Просто...

– Просто вдруг решила, что тебе все можно? Штраф – тысяча рублей.

– Но... Лёня же все сделал. Клиент доволен и сыт, – возмущаюсь слабо.

– Клиент – да, а я – нет. Наводим порядок в зале и по домам, – командует для всех и уходит.

Злая, жутко уставшая и расстроенная, я вышла на прохладный ночной воздух. Общее такси уже стояло в ожидании нас, что я считала большим плюсом и была благодарна работодателям.

Приехала домой к трем, приняла душ, перекатила кроватку сына в комнату и, погладив его маленькую ладошку, легла спать, радуясь, что завтра у меня выходной. Но разбудили меня уже в половине седьмого утра.

– Боже, – вскочила и не сразу поняла, что происходит. Хорошо, что у меня стоит режим звука очень тихий, на подобные случаи. – Алло, – говорю шепотом, выходя в гостиную.

– Ох, наконец-то. Саша... Саша, выручай.

– Алла Ильинична? – удивленно спросила, потому что, не посмотрела даже кто звонит. – Что случилось?

– Марина не вышла сегодня, у нее там матери плохо, а у нас в конференц-зале большой завтрак на компанию итальянскую в тридцать человек.

– А, Нина одна там, что ли?

– В том и дело, даже бармена подключила я и сама с тарелками бегаю. Они через сорок минут спустятся. Ты ближе всех живешь. Пока будешь собираться, я такси вызову.

– Я... Погодите, я с мамой не договаривалась за сыном посмотреть. Мне нужно хотя бы спросить у нее.

– Саша, я тебя умоляю, перезвони мне через минуту и скажи, что ты на выходе. Я жду... И сбросила.

Прикрыла глаза, а открыв их сразу побежала к матери, услышав ее на кухне.

– Мам...

– Угу, и тебе доброе утро. Снова подсовываешь мне своего... сына.

– Мам, я тебя прошу, я до обеда и сразу вернусь.

– До обеда она, – кривляется, ставя чашку чая на стол. – Чего встала, иди.

– Спасибо, – сдержанно благодарю и, перезвонив администратору, убегаю одеваться.

Не чувствуя ног после того сумасшествия, которое творилось в ресторане, спускаюсь в раздевалку, но не успеваю даже шкафчик открыть, как Алла приходит и огорошивает меня словами:

– Саша, переодевайся и ко мне. Тот заказ, что ты отвозила в бизнес-центр... Его просят повторить, и чтобы привезла его именно ты.

Глава 3

Реагирую слегка заторможенно, потому что мне это шуткой показалось изначально, но взгляд начальницы говорил об обратном.

– Что значит я? Вы сказали, что я не курьер, а официантка?

– Разумеется. Но клиент хочет, чтобы его заказ привезла именно ты. Видимо доверяет.

– Но это же бред. У меня выходной. Я хочу к сыну.

– Послушай, Александра, – она трет переносицу, словно сдерживает порыв гнева. – Тот штраф с тебя я, разумеется, сняла, потому что ты меня очень выручила сегодня. И сейчас прошу пойти мне на уступки, вновь. Как только Марина выйдет, у тебя будет выходной, который ты потратила сегодня на эту беготню. А учитывая, что скоро пройдешь, в чем я не сомневаюсь, собеседование и упорхнешь от нас, то у тебя появится время на сына и на себя. Саша, я на тебя рассчитываю.

Толкнула пламенную речь тоном, не терпящим возражений, и вышла.

– За что мне это? – взмолилась, подняв голову к потолку.

Все повторилось вновь. Весь проделанный мной маршрут и длительная пробка.

И вот я стою перед дверями приемной, а войдя в них та самая Люда, насколько я помню, на месте и встречает меня дежурной улыбкой.

– Здравствуйте. Заказ на имя Марвина Олега.

– Михайловича, – дополняет она немного язвительно. – Спасибо. Оставьте здесь и можете...

– Люда, – услышала громкий голос из, кажется, селектора.

– Да, Олег Михайлович.

– Как приедет мой обед, проводи ко мне курьера.

– А... Она уже здесь.

– Я не вижу, – и отключился.

Девушка, невероятно элегантная, встала с кресла и пройдя к дверям директора, постучав открыла их.

– Входите, – бархатно пропела и я ничего так и не поняв почти вошла, но мой телефон зазвонил мелодией, стоящей на маму. Поэтому я сделала шаг, назад так и не войдя в кабинет и подняла трубку.

– Мам? Алло, – связь стала вдруг прерывистой.

– Саша, Саша... – ее голос звенел, и она будто задыхалась. – Мы с Гордеем в больнице. И все... Я почти дышать перестала.

– В какой? Что случилось? – мне казалось, что меня парализовало.

Стояла как вкопанная, выронив чертов обед из рук. А ведь я должна была быть сейчас дома, рядом с моим мальчиком.

– Я кормила его пюре. Он капризничал и бил по ложке... – я уже будто видела все это, так ярко представляла и мне не нравилось то, что я умудрилась разглядеть в той картине. – И вдруг он стал кашлять и...

– Господи... Если ты сделала это нарочно... – слова давались тяжело, будто язык распух. – Если ты... Я не знаю, что я с тобой сделаю, ты меня поняла, мама?

Уже стартовала вперед, но меня вдруг схватили за руку. Неприятно, внезапно и я окаменела.

В глазах заплясали красные пятна. Температура тела резко поднялась именно внутри меня самой, а на коже выступили холодные капли пота.

– Не... не трогайте, – дернулась, но хватка не исчезала. Жуткий страх стал ползти в разные стороны от места соприкосновения с чужой рукой.

– Что с вами? – услышала голос сбоку, но повернуться не могла, словно резко защемило шею. – Вы меня слышите?

– Нет... Отпустите, – голос по-прежнему был сиплым, слова шли на выдохе.

Пальцы исчезли с моего предплечья, и я ощутила облегчение.

– Отпустил. Теперь ответите? – он встал передо мной и чуть склонившись искал глаза, которые я отводила от него.

– Что? – не сразу поняла, чего от меня хотят и кто.

– Я спросил, что с вами? Вам нужна помощь?

– Нет... – отшатнулась от мужчины, который теперь встал слишком близко. – Не стоит. Я должна ехать.

– После того, как вы угрожали родной матери? С вами точно все в порядке?

– Мой сын... – сразу вспомнила куда торопилась. – Он в больнице... Отпустите меня, прошу, – я почти умоляла и была готова встать на колени.

Мужчина поднял с пола свой обед, отдав девушке, что стояла рядом и глянув на часы отметил, что такси будет ехать медленно.

– Я вас отвезу, – заключил он, но для меня как сигнал опасности все стало ярко красным.

– Нет.

Протестовать я пыталась бойко, но уже спустя три минуты мы были на улице.

– Что вы делаете? – не удержалась от вопроса, пока мы шли к парковке.

– Я хотел перед вами извиниться. Надеюсь, моя помощь будет принята в этом качестве.

На сомнения оставалось мало времени. Мой малыш в больнице и не пойми что там вообще произошло, отчего становилось плохо уже мне самой.

Подошла к задней двери и словила непонимающий взгляд мужчины.

– Я не сяду с вами спереди.

– Ладно, – ответил и открыл машину брелоком.

– Районная ЦРБ в Комсомольском районе.

Он только кивнул и резко вырулил.

Недолго мы ехали молча, а я все это время молилась Богу, чтобы там не было ничего опасного, угрожающего жизни моего ребенка.

А еще я злилась. На себя, на администратора и... Посмотрела на водителя, поняв, что и на него должна по большей части злиться.

– Это все вы... – слетело с губ неосознанно.

– Что простите?

– Вы... Позвонили и сказали, чтобы я приехала обед привезла. Если бы не вы, я была бы уже дома с сыном, а не летела в больницу.

– Это стечение обстоятельств.

– Но вы на них повлияли собственноручно. Потому что посчитали, что имеете на это право.

– Послушайте, я, конечно, виновен, но только если косвенно. Так иногда бывает, понимаете?

– Не понимаю, – отвернулась и стала разглядывать пробегающие за окном улицы, которые казались сухими и безликими.

Мое сердце колотилось как бешеное, а я терялась в догадках. Что она могла ему сделать? Неужели настолько сильно этот маленький и невинный ребенок ее раздражает. Но почему? За что? Если он ни в чем невиновен. Если за него все решения принимала я.

Как только мужчина остановил машину на парковке, я сразу сорвалась и побежала к больнице.

Миновав приемное отделение, я поторопилась к палате и наткнулась на маму.

– Что ты сделала? Что? – я почти кричала и была готова впервые драться с собственной матерью.

– Я... я просто... – она заикалась, потому я знала наверняка – она виновна. – Просто кормила его, а он баловался.

– Как ты могла? Как ты... Я готова... я не знаю, что готова сделать с тобой, мама. Ты сделала это намеренно.

– С ума сошла? Сесть в тюрьму из-за этого выродка?

– Заткнись лучше. Я, итак, еле держу себя в руках, – сжала кулаки и одернула руки вниз, стиснув до боли челюсти.

– Тогда смотри за своим сыном сама. Я уже устала от его крика. Только есть садимся, так он орать начинает.

И тут я понимаю окончательно, как все было.

– Ты что, начала кормить, не успокоив его? Из ума выжила? Боже... Да что ты творишь.

Но она не ответила, потому что я была снова права. Такое не укладывается в голове. Я просто потерянная стою и не верю. Как она могла так поступить.

С презрением я смотрела на нее встав подальше и ждала врача. А когда та вышла, тут же подошла к ней.

– Я так понимаю, вы Александра Гринёва?

– Да, я мама Гордея. Прошу, скажите, что с ним?

– Что ж, ребенок подавился во время еды, большой порцией. Пюре попало в дыхательные пути и все могло закончиться плачевно, мамочка, – последнее слово она произнесла тоном, который мне не понравился однозначно. – Такое, конечно, не очень часто случается, но бывает. Да так чтобы до больницы дело доходило. Вы оставили ребенка с вашей матерью?

– Да, к чему ваш вопрос? – тут же напряглась.

– Я стала свидетелем вашего разговора, как и половина отделения детского. И теперь переживаю за жизнь малыша. Если он живет в опасных условиях, то я непременно вызываю органы опеки, чтобы они взяли под контроль вашу семью.

– Стойте, но это же абсурд какой-то.

– К сожалению, нет, это не абсурд. Я не могу отпустить ребенка, чтобы в следующий раз он снова попал в больницу уже с какими-то другими увечьями.

В голове начался какой-то перезвон колокольный. Он бил так сильно по нервам, что, казалось, я сейчас с ума сойду.

Если моего ребенка заберут, это будет конец... Это просто меня убьет. Но я этому не позволю случиться. Я его никому не отдам.

– Послушайте... Я... Вы не можете так поступить. И что дальше? Я не понимаю. Что мне сделать?

– Отдельная жилплощадь. Самой смотреть за ребенком. В конце концов, это ваша обязанность.

– Я знаю... Знаю, – шепнула и отвернулась ото всех, закрыв лицо ладонями.

Мне требовался воздух и мой ребенок. Я больше ничего и никогда не просила в этой жизни для себя. Это все, что мне нужно.

– Где мой сын? Прошу, дайте мне его, – снова посмотрела в глаза женщине, которая, кажется, немного смягчилась, но я не верила уже.

– Он спит. Вы к нему сейчас пойдете. Советую вам до завтра решить вопрос с жильем.

– Этот вопрос решен, – послышалось позади, и мы все посмотрели на источник.

Мужчина, тот самый из офиса, куда я отвозила заказ, стоял там. Что он тут вообще делает?

– Простите, а вы кто? Отец ребенка?

– Нет, но я знакомый, этой семьи. Квартира считайте, уже найдена. Поэтому отдайте матери ее ребенка.

– Саша? – услышала вопрос матери, но даже поворачиваться к ней не желала.

– Вы... – у меня закончились слова, ведь главное, чтобы Гордея не забрали. И если я прикинусь, что все так, как он сказал, значит, выйду отсюда с сыном.

– Что ж, вызов в опеку я все-таки сделаю, чтобы они проконтролировали место жительства ребенка и условия. Пройдемте за мной.

Как же я боялась делать эти шаги. В голове картинка рисовалась до ужаса страшной. Но когда увидела мое солнышко, лежащего в центре деревянной кровати. Такого красивого, моего мальчика, то выдохнув скинула тонну боли и страха.

– Господи... – руки затряслись и мне так хотелось поднять его на руки, но тревожить сон не стала.

– С ним все хорошо, – шепнула негромко врач и вышла.

Села рядом с ним на стул и, просунув меж решеток руку, стала гладить маленькую ладошку и пухлые пальчики.

– Прости меня, малыш. Я виновата перед тобой. Так, сильно-сильно виновата, – стирала льющиеся с каждой секундой слезы и клялась ему, что этого больше не повторится. Никогда.

Гордей перевернулся на бочок в мою сторону и вдруг резко заплакал. Бывает, что когда он засыпает с плачем, то просыпается, будто продолжая то, на чем закончил. Но тут же успокаивается. Вот и сейчас, когда он захныкал, я взяла его на руки и прижалась к нему, а он словно обнимал в ответ, разрывая мое материнское сердце своей нежностью и лаской.

– Ш-ш-ш, все хорошо, солнышко. Мамочка рядом.

Он еще немного всхлипывал, глаза были заплаканными и сонными, но смотрел на меня и дул губки, забавно пуская слюни, а после улыбнулся, и я заметила белую полосочку, кажется, прорезавшегося наконец зуба.

– Зубастик мой маленький, – поцеловала его в щечку, и в палату вошла медсестра, которая предложила смесь.

– Спасибо, будет очень кстати.

Она предупредила на сегодня и завтра убрать прикорм, и орошать горло специальным спреем. От мысли о том, что он пережил, на глазах выступили слезы, но девушка успокоила меня тем, что все не так серьезно.

Через двадцать минут ко мне пришла врач детский и предупредила, что отдала опеке номер моего телефона.

– Я могу ехать?

– Можете.

Мне вручили детскую карту и выписку. А когда я вышла, увидела все того же мужчину и недоумевала, что ему нужно. Мама сидела на лавке и встала, стоило мне выдвинуться на выход.

– Ну и куда ты? – остановила она меня на улице.

– Не твое дело. Подальше от тебя. Не хочу думать о том, что могло произойти, если бы мы не жили рядом с больницей.

– Значит, так надо, если бы произошло, – ее слова меня заставили встать в асфальт.

– Что ты сказала? – я была готова поклясться, что мои уши свернулись в трубочку, и не желали больше слышать ее голоса.

– Я тебе сразу говорила, что не нужно рожать это чудовище.

Мое горло стянуло сильным спазмом. Я хотела ее ударить, я хотела сказать ей, как мне больно слышать подобное от женщины, что казалась мне самым близким человеком на свете. Но я просто стояла и не верила, что та женщина и это чудовище передо мной один и тот же человек.

– Я тебя никогда не прощу, – губы тряслись, пока я по слогам выговаривала эти слова. –
Никогда слышишь?

Гордей в одеялке зашевелился и, вспомнив о том, что он без комбинезона развернулась и пошла скорее все к той же машине, на которой приехала. Потому что этот мужчина был единственным, кто мог на пару минут скрыть меня от нее. А дальше я сама соображу, что делать.

Глава 4

– Куда ты пойдешь? Одна, с ребенком? – стала кричать вслед, ступая по пятам. – Кому ты нужна?

Мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать ее слов, но на моих руках стал возиться сын, а я мечтала о покое, о тишине.

– Стой, говорю, Александра, – услышала ее приказ и зашагала еще быстрее.

Автомобиль передо мной замигал и пикнул сигнализацией, которая была снята, а дверь вдруг открыл мужчина.

Мне было не до вежливости, я просто села туда и отвернулась от матери, которая почти бежала ко мне. Но... не добежала.

Я была уверена, что она успеет постучать. Поэтому прикрыла сына, чтобы не испугался. Повернула голову и увидела, что мужчина преградил ей дорогу, а после услышала:

– Если вы немедленно не оставите ее в покое, я вызову полицию. Саппа напишет заявление, и вас ненадолго прикроют, за попытку того, что вы намеревались сделать. Вы меня услышали?

Я испугалась за мать, но сразу же отпустила эти мысли. Она чуть не погубила моего сына, я не могу жалеть ее в ответ. В отличие от нее, он беспомощен и не мог за себя постоять.

Мама что-то попыталась сказать, но не стала и зашагала прочь.

Не передать словами, как облегченно вышел из моих легких скопившийся воздух. Кажется, еще немного и я дышать не смогу.

Водительское место пустовало до тех пор, пока мать не скрылась из виду, а после он сел в него.

Мы медленно и аккуратно выехали с больничной парковки и куда-то поехали.

Мальш тут же уснул, прижимаясь ко мне и взяв крепко в ладонь мой свитер, а я, смотря на него, вдруг заплакала. Сдерживаясь, но обильно. Слезы просто ручьем текли, а я все боялась, чтобы не завывать, чтобы не всхлипывать и не шмыгать забитым напрочь носом.

Губы и подбородок тряслись. А мне хотелось скрутиться в комок и ничего не говорить, ничего не делать.

Ненавижу эту безысходность.

Я помню это состояние. В последний раз оно было, когда я узнала о том, что беременна.

Мое положение обнаружилось уже очень поздно. После случившегося я приходила в себя не очень долго, по меркам психолога. Хотя, мне кажется, я до сих пор не пришла. Но Агата Львовна помогла мне это пережить. Пусть я и думала, что это невозможно.

Здоровье сбило из-за препаратов. А принимала я их много в те первые месяцы. Месячные были вообще нерегулярными. И вот, я почувствовала, что меня кто-то бьет изнутри. Это было так внезапно. Что я решила, будто просто сидела неудобно, и кишечник среагировал на зажатость в животе. Потом я, разумеется, поняла, что это глупость. Но я бы никогда не подумала, что внутри меня четырехмесячный ребенок.

Однако он там был. Такой крошка.

Мне сделали УЗИ, и я осталась одна. Сама с собой и этой новостью, потому что мама и врач ушли «поговорить».

Это был дичайший, выворачивающий наизнанку страх.

Я весь тот ужас пережила вновь за те несколько минут. Меня стошнило на пол пару раз. А после затрясло.

Первая мысль, была схожа с материнским вердиктом, который она выдала, вернувшись в кабинет гинеколога. А потом я почувствовала, как он снова стал шевелиться. Слезы не утихали, а я положила ладонь на живот, и он будто... будто почувствовал. Захотел сказать, что слышит

меня в тот момент, что понимает и любит. Что он не виновен... Ведь он был и остается не виновным.

И я осознала это. Вдруг четко увидела и поняла, что мне нужно делать.

Сейчас я ощущала те самые первые минуты. Я потеряна. Я не знаю, что мне делать.

Подняла голову, потому что от слез стало невыносимо щипать глаза, и столкнулась взглядом с мужчиной в отражении зеркала заднего вида.

Я и забыла с кем еду. А главное – куда?

– Держите, – он протянул мне платок, который я приняла, пусть и неловко было.

– Спасибо, – быстро вытерла глаза и немного нос, чтобы не сопливить тут, а вот платок обратно отдавать было еще более стыдно. – Я верну вам его. Пожалуйста, на улицу Школьную, двести сорок пятый дом. Третий подъезд.

– Сколько времени вам понадобится, чтобы собрать вещи? – внезапно услышала вопрос.

– Какие вещи?

– Я не шутил по поводу квартиры.

– Я тоже не шучу, когда говорю вам сейчас, что я никуда не поеду. Ни на какую квартиру.

Он умолк, и мне показалось, что этот вопрос закрыт. Но когда мужчина снова посмотрел на меня, я поняла, что он только начал.

– Как думаете, сколько денег вы потратите на съем хотя бы однокомнатной квартиры? Такой, которая устроит опеку, и вашего сына не заберут у вас при первом же посещении? – его слова били наотмашь этой правдой, и я терялась в ответах. Перебирала их в голове, но достойных не находила. – Это первое. А питание и содержание ребенка? Сколько сейчас пособие составляет? Двадцать пять? Тридцать тысяч? Ведь вам придется уволиться с работы официантки. Нанять няню? Которая может быть хуже родной матери? – а я складывала в уме цифры, понимая, что мне как минимум нужно тысяч сорок, чтобы жить в ноль. – Чего молчите? Так сложно принять помощь, которая вам предлагается в угоду своих каких-то там приоритетов и споров с совестью? Или с гордыней?

– Я... Я вас не знаю. Вы посторонний...

– А близкий человек много помог?

– Не говорите со мной в таком тоне? – вдруг почувствовала необходимость защищаться.

– Тебе восемнадцать отроду. Родила ребенка, была взрослой. Ну так будь ею до конца и подумай, как взрослая. Как мать!

Он что злится? Да с какой радости? Глаза высохли за секунду. А моя обида и боль, быстро сменились злостью. И что самое удивительное, она была направлена не на него. Совсем нет. На маму, на себя, на обстоятельства и прочее.

Мы остановились у подъезда и, прежде чем выйти, я решила сказать:

– Мне не восемнадцать. И все, что я делаю, о чем думаю – это мой сын.

Захлопнула дверь машины и подойдя к входу все ждала, что услышу визг шин, но их не было. Он что впрямь решил, что я поеду с ним?

Обернулась в открытой двери и заметила его хмурый взгляд, а дальше идущую маму. Я и забыла, что мы живем у больницы, пройдя через аллею, к которой прийти так же, как и проехать на машине пару улиц вокруг.

Мужчина повернулся и тоже ее заметил. Вылез из авто и направился ко мне. А я от страха надвигающейся катастрофы устремила в подъезд.

Войдя в квартиру, я уже осознавала, что мне тут находиться нельзя. Да и как? Я теперь и на секунду не смогу оставить малыша в комнате, чтобы отлучиться в туалет или душ. Так нельзя. Это не выход.

Положила сына в кроватку и стала быстро собирать вещи. Кидала все в нее не разбирая. Самое важное сначала, потом второстепенное.

Мне не хотелось скандала, чтобы малыш испугался. Мне просто нужно было оказаться подальше от матери.

Мужчина прав. Во всем.

Чертовы деньги. Ну почему все всегда заключено в них?

Когда сумка и первая, и вторая оказались забиты, я поняла, что вытащить их не смогу. А кроватка? А стульчик для кормления, который мы начинали потихоньку использовать, так как Гордей сидит уже вполне хорошо для своего возраста полугодовалого.

– Боже, – закрыла лицо руками и ощутила хаос внутри. Такой ураганный, что плохо стало на мгновение.

Я не любила перемены. Еще и быстрые, вообще выбивали из колеи всегда. А еще, мне было просто страшно.

Подошла к кроватке сына и посмотрела на его безмятежное личико. Он сладко спал и не подозревал ни о чем. Я хотела такого спокойствия ему всегда. Чтобы он никогда не тревожился, не видел меня в диком стрессе. Значит, стоит снова взять себя в руки и действовать ради нас обоих. Спокойная мать ему нужна, а не та, что сейчас трясущимися руками держалась за старенькую боковушку.

Дыхательная гимнастика. Второй заход и я почти в норме.

Прошла по комнатам. И взглянув на шкаф в своей спальне, вспомнила про деньги.

– Чуть не забыла, – подбежала к нему и просунув руку, нащупала за ним пакет, в котором я прятала деньги.

Это может показаться странным и постыдным. Но когда мама стала без зазрения совести входить в мою комнату и брать деньги из кошелька. А потом как бы невзначай говорить: «Я там тысячу взяла у тебя в магазин сходила», я решила, что таким образом и мои накопления могут уйти однажды в магазин с ней и не вернуться.

Услышала, как входная дверь отворилась и сразу закрыла свою комнату, оставшись снаружи.

Вынесла на порог сумки и пошла за сыном.

– Вот значит, как поступаешь со мной? – задала странный вопрос мама.

– Прости? – обернулась посмотреть на нее, так как недоумевала. – Ты хотела, чтобы я что? Осталась? Сказала спасибо?

– А тебе не за что поблагодарить меня?

– Было бы, да только ты моего ребенка чуть не убила.

– Он психованный.

– Что-то я не замечала. А то, что сейчас он может капризничать, так это беспокоящие его зубы. Достаточно немного перетерпеть или заиграть его. Намазать мазь на десну. Вариантов много. Но никак не пичкать ему в рот еду.

– Монстром меня выставляешь?

– Я? Мне незачем это. Ты справляешься без меня с этим.

– А что будешь делать, когда ему в лицо станут тыкать, что он сын насильника? – ее вопрос сразу выбивает воздух, и меня начинает трясти.

Злость ураганом сносит терпение.

– Мой сын, – медленно ступаю к ней, говоря тихо, но четко произнося каждую букву, – никогда не узнает об этом. Как и о том, что у него есть бабушка. Можешь не сомневаться.

– А то что? Ты это всем расскажи.

– Всем? Это тебе и подругам твоим сплетницам? Мать защищает своего ребенка. Всегда и во всем. Но тебе, видимо, не понять никогда.

Ухожу в комнату и быстро одеваю малыша в теплый плюшевый комбинезон, иначе в другом спарится.

Прохожу мимо матери, не желая с ней больше говорить.

– Я пыталась тебя защитить, но ты сама выбрала путь гибели.

– Ого, как ты все завернула. Я прям почти поверила тебе, но не учла одного, мама, – выплевываю последнее слово особо четко. – Меня не нужно было защищать от принятых решений. Меня нужно было просто поддержать и сказать, что «все будет хорошо».

Открываю дверь, и передо мной возникает мужчина, надо бы спросить его имя. Он помогает мне с моей сумочкой, придерживает лифт, и мы оба в него заходим.

– Мои вещи, – спохватываюсь, обернувшись, когда створки уже почти закрылись, но вижу, что их нет.

– Все в порядке, они в машине.

– Спасибо.

Спускаемся в полном молчании. Также садимся и выезжаем со двора.

– Я не знаю, как мне относиться к вашей помощи.

– Как к помощи человека, которому не все равно.

– А это так? – спросила не знаю зачем, ведь все было, кажется, очевидно.

– Иначе я бы сейчас доел свой обед и принялся за работу, а вы... Не знаю, чтобы вы там делали.

– Я и сама не знаю, чтобы делала. Но я благодарна вам.

– Это квартира моих родителей. Отец умер полгода назад, а мама теперь живет в пансионате.

– Почему?

– Она сама так решила. Ее сложно переубедить. Но там настоящий санаторий, думаю, она рада.

– Как вас зовут?

– Олег.

– А меня Саша, очень приятно.

– И мне.

Мы снова замолчали. Сын уснул, а я все поглаживала его пухлую щечку и смотрела в окно мелькающих домов. Мы ехали на другой конец города, и я была почему-то рада данному факту.

Глава 5

– Тут две спальни, гостиная, кухня и ванная. Она одна, но думаю, что это не проблема, – Олег прохаживался по комнатам, открывал двери, а я аккуратно следовала за ним. – Кухня оборудована, тут и посуда есть и прочее. В общем, – он остановился и обернулся, посмотрев на меня.

– Здесь очень красиво, – сказала, что было на уме первым, только бы убить это молчание и непонятные мне взгляды.

– Мама любила квартиру. Они купили ее с отцом после свадьбы. Родители их помогли финансово. Но отец все деньги, которые они добавили, потом вернул, со временем. Считал, что так правильно. А в итоге бабушки и дедушки с обеих сторон, создали общий счет и клали их туда.

– Здорово.

– Я хотел подготовить ее к продаже, но рука не поднялась, а потом закрутился как-то, – словно оправдывал свое нежелание и сожаление, что он просто не хочет отдавать этот важный кусочек памяти кому-то.

– А я считаю, что и не стоит этого делать.

– Да, – подтвердил задумчиво. – Что ж, тогда... – он сунул одну руку в карман и развернулся к выходу. И пусть я хотела остаться одной, потому что это подрывало спокойствие мое, пусть мужчина и не делал никаких резких движений в мою сторону. Но сказать то, что хотела и считала важным, решилась.

– Олег, я согласилась принять вашу помощь, но...

– Только не предлагай оплату и прочее. Иначе это будет не помощь, а черт-те что. Все равно квартира просто стоит уже несколько месяцев.

– Нет, я понимаю, но хотела бы платить коммунальные услуги сама. Мне так будет спокойней.

– Хорошо, если тебя это устроит. Счет буду присылать каждый месяц на почту.

– Спасибо вам... большое.

– Не за что. А что с кроватью? Коляской?

– Я, быть может, завтра или чуть позже заберу их.

– Опеке это не понравится. Съездим завтра. Думаю, твоя мать не будет рада мне одному.

– Да, она может поднять шум.

– Тогда я заеду в обеденный перерыв.

Я умолкла, ощущая себя очень неправильно. Было внутри такое плохое самочувствие. Может, потому что не привыкла к тому, что люди могут быть добрыми, что они умеют помогать безвозмездно. Слишком фантастичным, кажется, теперь все происходящее. Потому что я все стояла и ждала какой-то подвох, а его все не было.

– Не думай об этом глобально. Мир еще не прогнул до самого дна.

– К такому невозможно привыкнуть.

– Не нужно. Достаточно знать это и все.

Ответил мне и вышел за дверь попрощавшись. И я выдохнула. То, что я выдержала это фактически уединение, уже победа, но все же, надеюсь, он не станет часто навещать свою квартиру с проверками на ее сохранность.

Обернулась вокруг себя и снова посмотрела на квартиру. Мне нравилось то, что я ощущала, находясь в ней. Здесь не было супер дорого и богато, чего я, признаюсь, очень боялась. Наоборот. Тут было так по-домашнему. Так приятно. Что стало страшно, оттого что я могу к этому привыкнуть, чего делать не хотелось.

Комнату выбрала для себя и сына самую солнечную. Она была угловой, и в итоге получилось, что солнце весь день светит в ее окна. Из гостиной можно было попасть на застекленный и теплый балкон. Было тепло и так уютно.

Чтобы не ходить по магазинам, я заказала продукты на дом. Смесь почти закончилась, поэтому восполнила и ее. Мне было так жаль после родов, что молоко не пришло. Хотела кормить сына своим, но как ни старалась, оно не появилось у меня и пришлось сразу приучать к смеси. Нам подошла не самая дорогая, но и не из дешевых. Сейчас пошел прикорм, и малыш теперь активно набирает вес. К тому же пытается ползать, но у него получается лишь ножки поджимать под себя и тыкаться носом в пол.

Разложила наши вещи, аккуратно убрал в соседнюю спальню кое-какие мелочи хозяйки квартиры.

Принялась за уборку. Гордей проснулся и поев, активно играл на специальном коврике детском с игрушками. Помню, как мама была против этой покупки, посчитав, что это пустая трата денег. Но теперь я понимаю, что была права. Он идеально мне сейчас помогает. Я могу заниматься делами, а сын спокойно играет на мягком полу с удобным и безопасным ограждением.

Заказ привезли через час, к тому моменту, когда я проголодалась.

Кухня была очень удобной и довольно большой. Но, как только я решила, что этот вечер начинается спокойно и ускользнула готовить, Гордей решил иначе и началась истерика. Которая закончилась к семи сном.

Вкусный ужин был мною съеден, и я довольная, вымыв посуду отправилась к сыну в комнату. Пришлось обложить его диванными подушками, так как они более упругие и ему будет сложно через них перевернуться. Этот маленький малыш слишком юркий у меня.

Вошла буквально на порог и смотрела на то, как он, проснувшись кусал свои пальцы правой ноги. Что-то там мычал, произносил интересные звуки, пускал слюни растирая их по щекам и все это я засняла на видео. Кое-как сдерживаясь от смеха, чтобы не спугнуть момент.

Но видно уже устав быть один он расплакался так внезапно, что можно было подумать, будто он ударился.

– Ну и что ты кричишь, несносный мальчишка? – оторвалась от стены и подошла.

Он, агукая стал вытягивать трубочкой губы, словно рассказывал мне о том, что здесь произошло.

– Ты мое солнышко, маленькое, – потянула к нему руки и слез как не бывало. Выгибаясь, стал тянуться ко мне забыв о грусти.

Проводим вечер в играх. Купаемся, активно плюхаясь. Наслаждаюсь тишиной квартиры. Потому что обычно мама ходила рядом и просила то тишины, то порядка. Хотя я всегда за собой и сыном прибиралась, стоило нам немного разыграться.

Малыш уснул лежа со мной рядом, повернувшись набок и потягивая смесь, пока я смотрела телевизор.

Давно такого не было. Обычно приходилось ходить с ним на руках и долго убаюкивать. Петь колыбельные. А сегодня я просто гладила его по спинке, чуть похлопывая, напевая мотив какой-то неизвестной мелодии, сама не замечая этого.

Переложила Гордея на кровать, снова соорудив крепость, поцеловала и ушла в гостиную, прикрыв за собой дверь.

Не припомню, чтобы я могла вот так лежать на диване и спокойно смотреть телевизор. Обычно я было сонной, уставшей и валилась с ног, стоило мне уложить малыша или вернуться поздно ночью с работы.

Сейчас я могла сказать, что я счастлива в этом ничегонеделанье.

Чашка чая, пара пирожных и вообще улет.

Невольно мысли коснулись мамы. Ее поступка и моей реакции. Зная о том, что все обернулось благополучно, я считаю, что среагировала слишком эмоционально. Но если на секунду, буквально, думаю об обратном, хочу снова орать и меня всю передергивает от ужаса, который мы смогли избежать.

Сегодня я поняла, что больше не стану ей ничего говорить. Объяснять, что мой сын для меня самый чистый и невинный ребенок, самый любимый. Если она не желает меня слушать и ей все равно на мою боль, которую она мне напоминает каждый раз, то это мне стоит отстраниться. Случившееся хороший старт жизни без нее. А потом, мы, возможно, и поговорим. Потому что я устала. Очень устала.

Утром просыпаюсь от звонка и замечаю, что на часах почти девять. Гордей спокойно спит мне в бок. Но я аккуратно встаю чтобы его не разбудить и иду на кухню.

– Алло? Я вас слушаю.

– Орган опеки и попечительства, здравствуйте. Меня зовут Мария Федоровна, я могу услышать Александру Гринёву?

– Здравствуйте, – немного заторможенно отвечаю. – Да-да, это я. Вы говорите с ней.

– Отлично. Вчера на вас пришел звонок из больницы. О случившемся мы уже в курсе и взяли вас на контроль. Скажите, условия жизни вашего ребенка вы изменили?

– Да, я переехала от матери с сыном на квартиру. Теперь можете не переживать...

– Ну это уже нам решать. А пока что ожидайте нас. Называйте адрес нового места жительства. Прикрепитесь к поликлинике, чтобы детский врач педиатр могла держать нас в курсе здоровья ребенка.

– Послушайте, я понимаю все, но я же не асоциальный человек. То, что случилось единственный случай и...

– И мы рады, что вы все понимаете. Я записываю адрес.

Называю ей его, благо успела запомнить пока шли к квартире с Олегом.

– Отлично. Ожидайте нас скорее всего завтра. До свидания.

– Всего доброго.

Разговор оказался до жути неприятным. Голос женщины надменным и будто ей было противно со мной говорить. Остается надеяться, что они не станут чинить препятствия в моей жизни с малышом.

– Боже, – смахнула со лба холодный пот и пошла умываться, потому что сна уже не было ни в одной клетке моего тела.

Глава 6

Мне предстояло уладить все с работой, на которой я больше появиться не смогу. Дальше момент с кроваткой и коляской, так как по разговору я могу судить ли то, что та женщина намерена любыми путями найти повод отобрать моего сына. А третье? Третье, наверное, упорядочить мысли и научиться жить самостоятельно, подумать о будущем тоже не мешало бы.

Села с чашкой кофе и медленно ее пила. Хаос в душе, кажется, не уменьшался, а все рос. Мама у меня не подарок, но эта ссора так сильно ранит. Ее поступок, и все сказанные слова. Стало страшно вспоминать те дни, когда я оставляла с ней Гордея.

Из раздумий, которые не привели ни к чему хорошему вырвал громкий вскрик сына.

Он, кажется, ругаясь пицал на свою ногу, которая выскальзывала из его рта. А стоило ему увидеть меня в дверях, как он сразу захныкал, только бы я подошла и взяла на руки этого хитрого ребенка.

В двенадцать я была уже готова и вышла заранее на улицу, чтобы Олег не поднимался. Ну и не оставаться с ним наедине не хотелось.

Он приехал через пятнадцать минут нашей прогулки.

– Давно ждете? – вышел из машины и помог сесть на заднее сиденье.

– Мы вышли чуть раньше, погулять.

– Понял, – захлопнул дверь и сел обратно на свое место.

– Надеюсь я вас не сильно отвлекаю?

– Если бы это было так, я отправил сюда помощника или компанию по перевозкам, такси.

Выбор большой.

Он ответил, но отчего-то во мне назрел вопрос, который я бы не задала ни за что вслух. Почему он приехал сам?

Столкнулась с его глазами в зеркале и быстро отвела свои в сторону.

– Как первая ночь в квартире?

– Она очень удобная и уютная. Спасибо вам большое.

– Думаю хватит уже благодарностей.

– Вам так кажется. Это очень много, то, что вы сделали для нас с Гордеем.

– Ваш сын?

– Да. Моя гордость.

– Классное имя.

– Оно пришло мне на ум, как только я узнала, что у меня мальчик на УЗИ.

В этот раз мужчина просто кивнул, без ответа. Мы замолчали и тихо ехали к маме. Не представляю, какой бой, она может устроить. Надеюсь, он продлится не очень долго.

Во дворе как обычно сидели, словно назойливые мухи соседские бабушки и умолкли, стоило нам с Олегом остановиться и вылезти из машины.

А когда мы подошли совсем близко начался аттракцион.

– Здравствуй, Сашенька.

– Здравствуйте, – попыталась пройти, не услышав ни слова, но нет, они замолкать не стали.

– Ну хоть познакомь с отцом ребенка. Какой красивый мужчина, а Гордеюшка на него и не похож вовсе.

– Он не отец моего сына, а просто знакомый. Перестаньте, – было ужасно неловко и стыдно.

– Поди нагуляла, – слышалось позади, когда мы уже почти вошли в подъезд. – Права была Верка. Ой непутевая у Гринёвой дочка...

– Дааа. Не повезло ей с нею. Как только держится и не стыдится.

Хотелось развернуться и орать на них, чтобы замолкли, чтобы их ядовитые языки отсохли, но я шла вперед, потому что это ничего не даст, а только распалит их бессовестные мозги.

Около лифта старалась не смотреть даже в сторону мужчины, но все же не могла промолчать.

– Простите, за эту сцену. Они... ничего не понимают и болтают, что в голову взбредет.

– Самое малое что я делаю в этой жизни, Саша, это обращаю внимание на сторонние языки.

Мы вошли и оказались лицом друг к другу, но голову поднять я не смогла, а вот Олег вдруг стал объектом внимания сына.

Гордей отыскал на его пиджаке пуговицы, кажется зажим для галстука, который манил малыша. И ухватился он за него крепко.

– Солнышко, не нужно, – пытаюсь отцепить, но это не помогает, а добавляет в противостояние еще и крик.

– Я могу снять его и отдать, не страшно.

– Не стоит. Он тонкий и длинный. Опасно.

– Тогда извини боец, мама сказала нельзя, – опустился к нему, чтобы быть на уровне лица и тронул кончик носика.

Сын спокойно выслушал и внезапно шлепнув мужчину по щеке схватил за нос.

– Господи, Гордей, – отвернулась с ним от пострадавшего, который секунду тер раненую конечность, а потом стал хохотать. – Простите, пожалуйста. Он часто так делает, просто период такой и цепкие пальцы...

– Все в порядке, Саша. Он сильный малый.

– Спасибо, – горделиво поцеловала мягкую щечку и вышла из лифта.

Мама от неожиданности даже дар речи потеряла, когда увидела нас всех на пороге. Я вообще думала, что она сменит замок вчера.

– Привет, мам. Мы быстро, только забрать кроватку и коляску.

– А мне то что? Я их продать вообще хотела, – фыркнув ответила и ушла на кухню.

Показала Олегу комнату, где стояла коечка и принесла отвертку. Мужчина справился очень быстро и начал выносить детали. Все это время мама не показывалась и демонстративно проходила мимо. Но я решила подойти уточнить один момент.

– Мне звонили из опеки, – малыш стал активно болтать и пытаться меня укусить, на что она реагировала брезгливо.

– Ну может наконец возьмутся за работу, да на проверку малолетних матерей, которые рожали непойми зачем.

Опускаю ее речь без внимания и продолжаю.

– Я допускаю мысль, что ты намеренно позвонишь туда и вставишь свои пять копеек. Просто хочу сказать, все хорошее что было, между нами, ты стерла сама. Я не прошу принимать выбор, уже давно ничего не жду от тебя. Но знай, если моего сына по твоей глупой наводке попытаются отобрать, я о матери как таковой вообще забуду.

– А ты и забыла. Еще в тот вечер, когда пошла на ту вечеринку, – выплевывает мне в лицо и это хуже пощечины. Хуже всего того, что со мной уже произошло. – Что? Что смотришь?

– Смотрю и не могу понять, что с тобой произошло? Не вижу в тебе больше своей матери.

– Я говорила останься дома, ну а ты? Что ты? Взяла и пошла.

– Ты... ты винишь меня в том, что со мной сделали?

– А кого? Ты ему, – тычет на соседнюю комнату, видимо имея ввиду Олега, – уже сказала, от кого твой ребенок? Сказала кого воспитываешь? Думаешь нормальные мужики выстояться в очередь? Нет моя милая, тебя будут поливать помоями и вытирать ноги, пока ты кладешь свою жизнь на воспитание этого урода.

Меня будто ударили сильно в живот и скрутило так, что воздух исчез, а сердце... оно, кажется, вообще перестало биться.

Я развернулась и хотела бежать, но попала в руки Олега, который резко обхватил мои плечи и... и обнял...

Олег

Кто она?

Я смотрю на девчонку и ощущаю, как во мне блуждает злость от сорванной поставки эксклюзивной мебели, заказ которой ждут уже три недели. А срок вышел три дня назад.

Три. Мать его. Дня.

И вот ко мне в кабинет вламывается какая-то курьерша, накрывает на стол, а после пытается сбежать.

Я не должен был так себя вести, но повел.

Плохое определение для взрослого мужика, но я повел себя как козел. Знаю. Порой заносит. Но бывает редко, в основном под горячую руку никто не попадает. Однако не в этот раз.

Наорал, наговорил с три короба херни и приказал посмотреть на меня, потому что бесило, что она постоянно прятала взгляд.

Она посмотрела. И на этом можно заканчивать отрезок моей жизни, в которой все было правильно. Упорядочено до мелочей. Правда, сейчас я об этом еще не догадывался, разглядывая острое лицо, на котором виднелись конопушки редкие.

Она посмотрела на меня, но будто скovyрнула что-то, после чего сердце впервые стало стучать в другом ритме. Дыхание ощущалось иначе, а легкие были освобождены от странной, не замеченной ранее скованности.

Я взрослый, давно разменявший четвертый десяток, мужик, рассуждаю о том, что меня зацепила какая-то девчонка лет восемнадцати на вид.

Но то ли это определение? К чему эта лиричность в мыслях? Если я могу сказать лишь одно – я пропал.

Я не имел на это никакого права. Но гребаные звезды, судьба, гороскоп, вселенная, что там еще модно сюда приплюсовать? Они столкнули нас сегодня здесь.

Один вопрос – зачем?

Моя жизнь упорядочена до мелочей? Но что это меняет? Если я не могу найти больше слов, даже для того, чтобы просто ее прогнать?

– Свободна, – это единственное слово, которое я вспомнил в этот отрезок времени, пока изучал бледно-голубые глаза с темной дужкой по краю. Может это все из-за них? Они удивительные, они притягивают взгляд.

Но что меня могло зацепить в ней еще?

Растрепанные слегка волосы? Простая одежда, которая скрывала под собой явно худое тело? Тонкие губы, которые еле шевелились, пока она говорила? Синяки под глазами, словно она спит через сутки?

Что из этого всего?

То, как она бегло говорила? Или же, как заикалась, когда я напирал?

А может, все это в совокупности?

Или же я просто заработался за эти несколько недель?

Падаю на стул и тупо закрываю глаза.

Я хочу в отпуск. Я просто хочу отдохнуть.

На телефон приходит оповещение от менеджера по производству, что заказ готов и я тут же забыв о еде, начинаю обзванивать грузчиков, доставку, заказчика и так далее по списку.

Повернув голову, вижу на столе накрытый ланч, который не мешало бы подогреть, но я понимаю, что сыт макулатурой, которая лежит на моем столе. Пятнадцать заказов без обработки. Денежный месяц выдался.

– Люда, ко мне, – вызываю помощницу.

– Да, Олег Михайлович, – она входит с улыбкой, а заметив стол с едой тут же сереет на глазах.

– Правильно думаешь. Штраф тебе и убери отсюда все. Сделай кофе. Покажи список тех, кто записан на завтра. Мне нужно окно на минут сорок с часу до двух, в этом промежутке.

– Сделаю.

– Все, кто на это время должны прийти, обзвони и назначь новое время.

– Конечно.

Отправляю смс жене, что я приеду на обед, как она и просила. А затем отложив телефон, пью свой кофе, постепенно перенося заказы в компьютер.

Почти до семи провожу время в офисе. Но разобрав каждый заказ спокойно еду домой.

Там накрытый стол. Теплый дом. Жена. Сын. Семья.

Все правильно.

Разговоры о работе, о том, как у кого дела. Что нового в школе, какой новый клиент у меня, или новости из бухгалтерии фирмы, где работает Алла.

– Кстати, мама звала к ним за город на Новый год. Ты как? – воодушевленно предлагает, забыв о том, что в прошлом году она обещала мне иное.

– Сейчас сентябрь на дворе.

– И что? Спланировать заранее свой отдых. Почему нет?

– Я хотел поехать в горы. Снять дом. Позвать друзей или без них.

– Я ненавижу горы, зиму и холод. Ты же знаешь, Олег, – тут же настроение падает до минимума.

– Знаю, и хочу, чтобы ты на этот раз забыла об этом и выполнила обещание.

– Нашел что вспомнить, – фыркает и встает из-за стола.

Нет даже желания с ней спорить о том, что будет через несколько месяцев. Встаю и ухожу в комнату. Принимаю душ и иду к Сергею. Но сын занят играми на джойстике и ему сейчас не до меня.

Засматриваюсь на экран телевизора и засыпаю прямо в гостиной.

Следующим утром, вдоволь прокляв диван, собираюсь на работу.

– Почему не разбудила, я не могу разогнуться, – спрашиваю Аллу, пересекаясь с ней в ванной.

– Я решила, что ты ушел в гостиную, потому что мы с тобой не нашли общий язык.

– Серьезно? И как часто я так поступаю? – разворачиваюсь и выхожу, поставив в памяти галочку сходить на массаж или в спортзал среди недели.

На обед идти жена в итоге отказалась, сославшись на занятость и я все это время сидел в офисе без особой работы. А потому мозг устроил мне штурм.

Да и если вспомнить сколько раз за эти сутки я вспоминал ту девушку, то число приблизится к десятку. Возможно, и больше.

Извиниться. Вот чего требовала совесть. А подсознание твердило, что я лгун. Однако слушать его я был не намерен. И позвонил в ресторан в четверг.

Я действительно хотел просто извиниться перед девушкой. Девушкой с невероятными глазами, отчего-то добавило подсознание.

События этого дня развивались вполне хорошо. Ладно я бы сказал. Заказ, который мог обойтись нам в круглую сумму неустойки, в итоге приехал по нужному адресу в крайний срок. Нас отблагодарили не только словами, а копилка будущих работ пополнилась новыми клиентами.

В обеденный перерыв я, продумав свою речь, ждал девушку, с которой в итоге мы уехали в больницу. Не понять происходящее было сложно. И я, если честно, хотел, чтобы в итоге все оказалось ошибкой. Мои руки чесались, и в своей голове я их сомкнул на шее этой женщины, которая однажды стала той, что родила ребенка. Матерью назвать ее было сложно.

Но что поразило меня гораздо больше, так это то, что та самая курьерша тоже была обладательницей гордого звания «мать».

Я долго смотрел на нее и пытался разгадать возраст, каждый раз приходя в итоге к цифре восемнадцать. Ну не мог я поверить, что ей может быть больше.

Все сложилось в одно и шло по какой-то известной одной лишь судьбе, дороге.

Я стал тем, кто предложил помощь и не желал слышать отказ. А она все плакала. А еще держала своего сына и смотрела на него так, что ее любовь к нему можно было потрогать и ощутить самому.

«Ты счастливчик, парень», – подумал об этом, пока ехал по дороге с ними обоими.

Вспомнил своего сына таким же маленьким. Все тогда было иначе. В нашей семье. Между мной и Аллой. Даже не знаю, в какой момент это изменилось. Кажется, мы оба этого не заметили в итоге.

Женские слезы – это особый вид убийства для мужчин.

А если это слезы дорогого, любимого человека, то вообще квест по ступеням боли.

Сейчас же, наблюдая, как она стирает мокрые дорожки, я хотел помочь ей, еще больше. И потому не желал слышать ответ «нет» на мое предложение. Мне кажется, тут и не может быть иного ответа, если судить разумом, а не гордостью. Хотя сомневаюсь, что ею руководила она. С этой девочкой что-то было не так. В плохом... самом плохом смысле этого понимания.

"Что же с тобой случилось, девочка?"

Квартира родителей идеально подошла для Александры. Да и если есть возможность, почему не помочь? Тем более, девушке с ребенком, когда ты в общих чертах понял ситуацию и откровенно охренел.

Мать Саши, конечно, убивала своим презрением к дочери, но больше к внуку.

Показал ей комнаты и остановился обернувшись. Она стояла далеко от меня и снова не смотрела в глаза. А я хотел, чтобы было наоборот. Но не мог этого требовать, смотря, как она соблюдает дистанцию и явно боится даже сантиметр преодолеть.

Но мне это и не нужно. Верно?

Вышел за дверь и замер.

Еще завтра помогу и все. На этом моя миссия закончится. Платежи по почте не более.

Все так.

Спустился к машине и завел двигатель, а уехать не мог.

Во мне боролись двое. Как игра в черное и белое.

В этот самый момент мне позвонила жена, и я почувствовал себя... кем? Даже не знаю, но внутри что-то шевельнулось.

– Олег, – тихо так позвала, как обычно, когда хочет извиниться. Когда поняла, что была неправа.

– Я слушаю тебя, – не стал грубить. Это и ссорой не назовешь. За долгие годы в браке учишься правильно реагировать на разные вещи. И чем дальше, тем больше ты перестаешь мелочь относить к трагедии. Но полагаю к женщинам это не относится.

– Ты хочешь поужинать?

– Не откажусь.

В этот момент я осознал, что грядет катастрофа. Где-то глубоко внутри это промелькнуло, но я как настоящий мужик, игнорируя чуйку, поехал на работу.

Заехал домой принять душ, переодеться и дожидаться Аллу.

– Привет, сын.

– Привет, па. Выглядишь усталым.

– Есть немного. Как ты?

– Да вот смотрю билеты на баскетбол. Помнишь, я говорил, что скоро...

– Разумеется, помню. Как ты мог подумать, что я пропущу эти игры?

Он повернулся, и я показал ему экран мобильного, где были куплены билеты для нас обоих.

– Ох, блин... Ты серьезно? – он вскочил на ноги и пока перелазил через диван, я вновь увидел своего маленького пацана, а не этого тринадцатилетнего подростка. – Спасибо.

Он обнял меня, и я улыбнулся, сделав то же самое в ответ.

– А Соколовский своего уговорить не может. Без него матушка не пустит.

– Скажи ему, что я могу и его с нами прихватить, если места есть рядом.

– Ща па, спрошу.

Сел к нему на диван и в ожидании жены, чуть не уснул.

– Олж, ну как я тебе? – услышал ее голос и повернувшись увидел перед собой красивую, взрослую женщину, которая давно, еще девчонкой покорила меня собой.

– Ты прекрасна, – встал и, разлохматив шевелюру сына, на что он возмутился, пошел в коридор.

– Все сынуль, через пару часов будем, хорошо?

– Сергей, – строго окликнул и он тут же вскочил, подойдя к нам.

– Я услышал вас, – закатил глаза. – Идите уже на свою дискотеку восьмидесятых.

– Нет, ты это слышал? Он нас стариками обозвал, – возмутилась жена, и я, приобняв ее, подмигнул сыну, выходя за дверь, напомнив, чтобы узнал у друга, пойдет ли он с нами.

– Прости меня, Олж, – Алла сжимает мои пальцы и виновато улыбается. – Не знаю, что на меня нашло. Так, глупо получилось.

– Все в порядке. Но планы на Новый год остаются прежними.

– Хорошо, – отпивает из бокала и просит официанта забрать ее блюдо. – Как там твой заказ, который очень дорогим был. Доставили? Ты говорил, там проблемы.

– Да, сегодня все решилось наконец-то. Я уже не верил в хороший исход.

– Не в твоём случае, – звонко бьет своим бокалом по моему.

– От меня порой мало что зависит, ты же это знаешь.

– Знаю, и я все равно рада. Что еще у тебя нового?

И тут в голову живой картинкой очень яркой и четкой приходит этот день и его события. Хочется рассказать жене о том, что я помог девушке. Ведь если бы не я, мало ли чем могло закончиться это все дело с ее матерью. Но отчего-то все внутри протестует и я, открыв рот закрываю его обратно. Неправильно? Да это так. Но чего я боюсь сам? В чем дело?

Алла женщина. Более того, она мать и привязана к нашему сыну. Она-то уж точно поняла бы. Но я упрямо молчу и ощущаю сильное биение сердца.

Почему я молчу?

Это ведь не секрет? Почему же тогда становится им так ясно в данную секунду?

Она по-прежнему смотрит на меня улыбаясь, ждет ответ.

– Я сегодня... – начинаю все-таки, потому что если промолчу... то приоткрою дверь не в ту сторону. Я не могу так поступать с женой. – Сегодня я помог одной девушке.

В руке вновь оказывается бокал вина, а горло отчего-то стягивает сухостью.

– Правда? А что случилось?

– Она курьер из ресторана. Я заказал обед, как обычно. И вдруг девушка ответила на звонок у порога моего кабинета и стала кричать на свою мать. Там что-то с сыном случилось. В общем, отвез ее в больницу.

– Ох, ты очень добрый, – гладит по моей ладони. – Но знаешь, я уверена в том, что эта дама... Сколько ей на вид было? – рассуждает философски. – Вряд ли больше двадцати. Иначе бы не работала в курьерской службе, а имела профессию. А что она? Родила и сидит на шее матери. Потом еще и виноватой выставляет, что ей, видите ли, что-то не нравится в жизни.

– Ты не можешь этого знать.

– Ты тоже, – пожимает плечами. – Я просто размышляю вслух. У меня на работе масса примеров «плохих» матерей и таких же не оправдавших надежд дочерей, которых воспитывают эти самые матери. Поэтому я рада, что у нас с тобой сын и что он один ребенок в семье.

В этот момент я решил, что нет смысла продолжать рассказ дальше и тем более пытаться переубедить жену. И мне, в общем-то, незачем ее переубеждать. Она не поймет, не примет мой порыв помощи.

Но здесь же появляется второе вытекающее и, кажется, самое важное – я сохраняю в секрете тот факт, что я помог не просто тем, что подвез девушку. Я оставил ее и ребенка в квартире.

Тот ли это секрет, узнав о котором моя жена может решить, что я лгал, потому что был повод? Напридумать с три короба? Да. Определенно это он. Но я по-прежнему смотрю в ее глаза и молчу, слушая мысли жены о трудностях материнства.

Это не страх. Я просто знаю Аллу. Она немедленно поедет туда и выставит на улицу девушку, которой, кажется, итак, досталось в жизни. Завтра я помогу ей вновь и на этом все.

– Поедем домой? – Алла игриво гладит мои пальцы, и я прошу счет.

Утро выдалось относительно хорошим. Если не считать головную боль.

Но отчего-то я был загруженным мысленно. Молчаливым. Много думал. Каково же это сопротивление внутреннее сильное. Когда ты хочешь быть честным, а в итоге не можешь этого сделать, ведь иначе тебе придется признать то, что ты не желаешь делать правдой.

Сейчас я упорно делал вид, убеждал себя, что я не думаю ни о чем кроме работы. Но ложь самому себе и есть великий и самый глупый обман. Но зато какой искренний.

Я думал о ней. Уже с ночи.

Просто задавал вопросы. Удобно ли она устроилась. В какой комнате решила жить. Есть ли в подъезде пандус. Как далеко до больницы ехать, если что вдруг.

Я думал и одновременно с этим злился на себя.

Думал и оправдывался перед самим собой.

Подъехал к дому и сразу увидел их с сыном гуляющих на улице. Посмотрел на время, решив, что опоздал. Но это оказалось не так.

В дороге не сводил с нее своих глаз. Замечал какие-то мелочи. Видел, как она нервничает.

Мне нравилось с ней говорить. Почему нет? Это ведь не преступление?

Самообман.

Все детали кровати и коляска влезли в машину с трудом, но все же мне удалось это. Поднялся за девушкой вновь и застал разговор, который сделал мне больно физически. Не знаю, насколько это было возможно.

Но я ощутил нечто... Нечто необъяснимое. Злое. Отвратительное.

По содержанию можно было понять, о чем речь, но я мог ошибаться. Точнее, я бы хотел ошибиться... Очень...

– ...Если моего сына по твоей глупой наводке попытаются отобрать, я о матери как таковой вообще забуду.

– А ты и забыла. Еще в тот вечер, когда пошла на ту вечеринку. Что? Что смотришь?

Голос ее матери был высоким, громким и мерзким. Появилось большое желание закрыть ей его навсегда.

– Смотрю и не могу понять, что с тобой произошло? Не вижу в тебе больше своей матери.

– Я говорила, останься дома, ну а ты? Что ты? Взяла и пошла.

– Ты... ты винишь меня в том, что со мной сделали?

– А кого? Ты ему уже сказала, от кого твой ребенок? Сказала, кого воспитываешь? Думаешь нормальные мужики выстоятся в очередь? Нет, моя милая, тебя будут поливать помоями и вытирать ноги, пока ты кладешь свою жизнь на воспитание этого уроды.

Больше не мог стоять там и потому вошел, а девушка вместе с малышом попала мне в руки.

Она сотрясалась от сдерживаемых слез.

Я обнял Сашу и вложил в свои руки силу, чтобы она ее почувствовала, а сам прожигал глазами эту женщину, что стояла и смотрела, ухмыляясь на нас.

Она теряла свою дочь в эту самую секунду и даже не понимала этого. Не понимала, что больше ее не вернет никогда. Люди многое прощают, но никто не смог повернуть время вспять, чтобы и память в итоге после прощения была чиста.

Саша дышала очень глубоко. Прерывисто. Она льнула ко мне неосознанно, полагаю. Но я был рад, что в данный момент именно мои руки стали для нее спасением.

– Идите вниз, я сейчас.

Она вздрогнула и, будто отойдя от шока и обиды, поняла, что была в моих руках, прежде чем отстраниться очень резко.

– Будешь мне рассказывать о морали?

– Нет, скажу, что обычно предатели, делают первыми шаг. Но они же остаются в проигравших.

– Философ, что ли?

– Человек. Мужчина.

– Как узнаешь, кто она такая, и от кого родила, поймешь, что я права была, и просто хотела эту дуру от ошибки защитить. Ну ничего... Она еще прибежит ко мне в слезах.

– По-моему, единственный человек, от которого стоит защищать Сашу – это вы. И я сам этим займусь.

Разворачиваюсь и выхожу. Противно даже смотреть на ту, что матерью себя называет.

Спускаюсь по лестнице не дожидаясь лифт и выхожу на улицу. Воздух резко пробивает грудную клетку, и я начинаю дышать. А потом вижу ее.

Уговариваю себя, что это больше не мое дело. Что на этом все. Я ведь уже помог. Но отчего-то чувствую... Или же просто знаю, что на этом ничего не закончится. А значит, нужно отвезти ее и ребенка на квартиру, и жить дальше. Присылать чеки на оплату, раз она так желает и все.

Это и есть правильно.

Самообман!

Глава 7

Саша

Моя мать всегда была строгим родителем. Она не позволяла себе слабости, эмоции любви. Не обнимала, чтобы пожалеть, стереть слезы с моего лица и неважно при этом сколько лет мне было. Она смотрела и ждала, когда я перестану плакать, а потом говорила холодно и громко: «Поплакала и забудь. Никто не будет тебя жалеть. Никогда. Запомни это, Александра. И если хочется лить слезы, делай это тогда, когда никто не видит».

Не знаю, закалило ли меня это. Но я про себя могу сказать одно, что променяла бы сотни ее слов на одни крепкие и правдивые объятия.

Поэтому мой сын всегда на моих руках. Поэтому его я прижимаю к своей груди так часто, как могу. Поэтому я его целую и искренне признаюсь в том, что очень сильно люблю.

Почему моя мать была такой, я не имею понятия. Своих бабушку и дедушку я помню хорошо. Они умерли не так давно с разницей в пару лет. Эта квартира, откуда я сейчас окончательно уезжала, принадлежала им.

Я их любила. И часто думаю о том, что мне бесконечно жаль, что они не успели увидеть своего правнука. Бабуля представляла меня на свадьбе, моего «жениха». Говорила, что этот день ни за что не пропустит и будет ловить букет невесты, чтобы вновь обменяться кольцами с дедулей. А он в шутку отвечал: «Ну вот, она будет со мной и в следующей жизни, а я так хотел отдохнуть».

Я вспоминаю их, со слезами грусти, потому что хотела, чтобы они были рядом. Они бы меня поняли. В этом я не сомневаюсь. Бабушка обняла, а дедушка бы сказал в своей манере: «Все будет хорошо. А не будет, так подлатаем».

Своего отца я не знала. Мама лишь однажды сказала мне о том, что он недостойн нас. Даже как выглядит я не имею понятия. Как зовут. Ведь мое отчество от бабушки – Михайловна. Жив ли он, знает обо мне? Все эти вопросы остаются долгие годы без ответов.

Сейчас стоя на улице в ожидании, по сути, незнакомого мне мужчину, под пристальным взглядом кучи соседок я ощущала себя жалкой и брошенной. Одинокой.

Это чувство было со мной последние полтора года. Я ушла в себя и моим единственным другом стала психолог. К которой я ездила раз в неделю. Я «вылезла» из этого заточения внутреннего, но не перестала быть одинокой. А потом у меня родился мой сынок и все стало неважным. Я знала, что теперь все изменится. Он стал моим смыслом. Моим желанием жить. А еще я теперь знала точно, что, кроме меня, никто не позаботится о нем. Что отныне я не имею права даже на мысль, чтобы опустить руки.

И вот это чувство, сейчас оно слишком сильно ввинчивалось в голову. Мне нужно просто это пережить, и все снова будет хорошо.

Из дурмана хаотичных мыслей выводят мужские руки, прикасающиеся к моим плечам, и я резко дергаюсь вперед, почти падая на землю.

– Тише, тише, ты чего? – Олег поднимает ладони вверх, шокированный от моей реакции.

– Вы... Прошу не делайте так больше, – язык стал прилипать к небу, так как вся жидкость моего организма превратилась в пот и выделилась разом намочив, кажется, всю одежду, что была на мне.

Прижимаю к себе сына и пытаюсь утихомирить свое сердце.

Я понимаю, что человеку не объяснишь без точных причин свое поведение, но подобные реакции и меня очень утомляют. Хотя контролировать их я не могу до сих пор. Они просто есть. Они просто выступают первыми.

Я не люблю прикосновения к себе ни в каком виде от мужского пола и тем более, когда стоят за... спиной...

Холодом окутывает и утягивает в себя, но голос сына возвращает обратно. Он тянет меня за волосы и пищит.

– Прости, больше не буду. Просто я тебя звал, ты не откликнулась.

– Хорошо, – отвернулась от мужчины и обратила свое внимание на Гордея.

– Поедем?

– Да, конечно. Простите.

Сели в машину и медленно поехали в сторону района, где я теперь жила.

Мне было неловко, но я старалась не показывать вида. Играла с сыном, но он скоро уснул, и я отвернулась к окну.

– Значит, опека придет? – заговорил Олег.

– Да. Они позвонили утром. Сказали, что сделают свой визит на днях. Видимо, в понедельник, вряд ли они катаются по выходным, выполняя работу. Хотя я не знаю наверняка.

– Что сказали они?

– Дали понять, что не доверяют и будут с особой тщательностью за мной наблюдать, – посмотрела на него и пожалела, потому что он тоже наблюдал за мной в зеркало. – Это все мать. Уверена, она тоже позвонила вдобавок к врачу.

Мои слова снова заставили испытать нечто схожее со стыдом.

– Взрослые порой ведут себя хуже детей, а когда понимают это, оказывается, уже поздно.

– Вам виднее, – ответила чуть слышно, не желая подчеркивать его возраст, но почему-то стало неловко. – Простите.

– За что? Я из категории взрослых. Мне тридцать восемь. И я совершаю ошибки. Все верно.

– И даже такие, когда поздно становится? – вопрос сорвался с губ, прежде чем я успела его просто обдумать.

Мы столкнулись взглядом, и я хотела снова извиниться, но не хватило храбрости заговорить вновь.

Оставшуюся дорогу мы молчали.

В монологе с самой собой я пыталась понять правильность или же наоборот, ситуацию, себя, Олега. И вроде бы думать не о чем, а вот с другой стороны... Все было странно. Это подходящее слово.

Зачем ему помогать мне? Это у меня не было выбора, он мог забрать свой обед и закрыть свои двери. Может и правда смириться с тем, что мир не совсем прогнул?

Хотя я заселилась в квартиру, разве есть смысл себя ругать. Или осталось ли еще хоть что-то, что я не обсудила с самой собой?

Поднялись наверх в квартиру. Я уложила Гордея на свою кровать в кокон подушек и вышла на кухню. Олег в гостиной собирал кровать, а я заварила чай, решив быть вежливой, и попытаться вести себя нормально. Та же терапия.

– Я законч...

– Вы будет...

Мы столкнулись с ним на пороге кухни. Я отшатнулась оттого, что мужчина, разумеется, сильнее и влетела в него, на полной скорости, но Олег поймал меня за плечи, схватившись в них обеими руками.

– Осторожней, – сказал испуганно, а сам не сводил своих глаз с моего лица.

– Простите... я... – выбралась из цепких рук и опустила голову, сделав расстояние, между нами, приемлемым. – Хотела предложить вам чай.

Мы оба посмотрели на стол, где истончали аромат лесных ягод две кружки и вернули внимание друг другу.

– Нет, – ответил он, прочистив горло. – У меня работа, я, итак, задержался.

И я испытала ужасный стыд. Бессовестно полагая, что имею право занимать время человека, который, итак, мне помог, как никто другой.

– Да, конечно. Благодарна вам за помощь.

Дошла до двери. Подождала, пока мужчина обуется, и крикнув в спину «до свидания», потому что он попросился сумбурно как-то, закрылась изнутри.

Все выходные провела с сыном. Впервые так много времени с ним одним. Наслаждаюсь моим мальчиком. Тишиной. Уединением.

Я бы могла привыкнуть к такому ритму жизни, но я понимаю, что так долго быть не может. Мне нужен заработок. Хоть какой-то. У меня нет права на отдых.

Пособия у меня хорошие. Но их не хватит, чтобы еще и откладывать. Я не хочу опустошать свои накопления. Пусть их не так прям много, но они есть, и я знаю, что в любой момент смогу выкрутиться из щекотливого положения. Но не такого, как случилось сейчас.

Смартфон у меня хороший. Поэтому я планирую найти что-то, чем смогу заниматься с телефона.

Села блуждать по страницам поиска работы и вдруг поняла, что у меня нет плана.

Я впервые сижу и понимаю, что у меня и мыслей нет, что будет завтра. Я так боюсь жить. Я так не умею. Стараюсь вести свою жизнь по графику.

Все вдруг стало сумбурным. Я подозревала, что мама скоро сорвется, но, конечно, не предполагала, как именно, в какой момент, и что последует после. И сказать бы что все на ее совести, только проблемы образовавшиеся это не решит.

Однако сейчас я в некотором плену обстоятельств и только Гордей держит меня на плаву.

Смотрю на сына, который играет, лежа на животе с игрушками, и улыбаюсь.

Переписала в блокнот несколько вакансий, взяла на заметку еще парочку и отложила все.

Уложила сына на дневной сон и стала прибираться в квартире.

Мне пришлось войти в комнату, которую я не использовала и оставила в ней вещи хозяйки. Начала протирать пыль на длинном во всю стену шкафу и наткнулась на несколько фото стоящих в рамках. Одно было черно-белым. На нем были запечатлены молодые мужчина и женщина в свадебных нарядах. На другой, более цветной, все та же пара, но с малышом на руках. Полагаю, это был Олег и его родители.

Он смешно зевал и тянул сжатые кулачки, скорее всего, к своим глазам, как делают это детки обычно. Я улыбнулась, рассматривая его.

Жаль, у меня нет фотографий, где я маленькая. Было бы забавно сравнить себя и сына.

Невольно, поставив фото на полку и пройдя дальше тряпкой по поверхности, я подумала о мужчине. Меня не покидали мысли о том, что конкретно сподвигло его пойти на этот шаг. Помочь незнакомой девушке пусть и в беде. Но впустить ее в дом родителей. Жалость? Да, это, скорее всего, именно она. Мне бы не хотелось, чтобы меня жалели. Это очень подкашивает и сбивает с толку. Становишься тем, кто ждет, чтобы за тебя все сделали, раз уж стали жалеть. А я так не хочу. Но и идти на поводу гордости не могу на данный момент. Она меня не приведет ни к чему хорошему, сейчас.

И все же, я ему очень обязана теперь. Он просил перестать благодарить, словно ничего сверхъестественного не сделал для меня и вообще это обычное дело, но отчего-то я ощущала, что это впервые. Ведь он не догадывается, что мой малыш для меня – жизнь.

Осмотрелась, выйдя в гостиную, и поняла, что здесь, по сути, есть все, чтобы опека не стала придирается к условиям жизни ребенка. Единственное, что я не успела сделать – это

прикрепиться к больнице района, однако позвонив туда мне сказали, чтобы я пришла в понедельник. Поэтому поставила будильник на половину восьмого, чтобы до прихода опеки успеть сходить к педиатру.

Уже перед сном я никак не могла заставить себя закрыть глаза. Было страшно оттого, что мог принести завтрашний день. И все же внутри росла надежда, что не все в этом мире прогнило, как говорил Олег.

Ранний подъем, ставший уже привычным, после бессонной ночи с сыном. Быстрые сборы. Кормление и вот мы уже в поликлинике.

Как обычно, куча народа. Кабинеты педиатров заполнены очередью. Нахожу своего и занимаю свое место. Благо врачи привыкли работать быстро и уделять на все вопросы максимум пять минут. Поэтому через сорок минут в духоте, мы с Гордеем попадаем на прием.

– Так, кто тут у нас, такой красивый? – женщина с доброй улыбкой осматривает сына.

Хвалит за хороший тонус мышц, за вес и рост, прививки и прочее. Ставит нас на учет и забирает медкарту.

– Спасибо большое вам, Инга Ивановна.

– Будьте здоровы, Сашенька.

Выхожу из больницы и на всех скоростях несусь к дому. Замечаю белый автомобиль с синими полосками, но слова на нем не читаю. Быстро поднимаюсь и застаю двух женщин на пороге квартиры.

– Здравствуйте, – улыбаюсь и протискиваюсь между ними.

– Здравьете. Гуляем?

– В больницу ходили, нам назначили на понедельник, встать на учет.

– Ясно, открывайте, уж.

Если бы я могла еще, попасть ключом куда надо.

От нервов трясутся руки, а дыхание никак в норму не придет.

Наконец, замок поддается, и я облегченно выдыхаю, открыв дверь.

– Прошу вас, проходите.

Поднимаю сына на руки и оставив на площадке коляску, захожу за ними закрываясь.

Быстро иду в гостиную и раздеваю малыша. Перекладываю его в кроватку, но он начинает психовать и мне приходится обратно на руки его взять.

Как только женщины осматривают все комнаты, начинаются разные вопросы, на которые я отвечаю.

– Вы недавно жили с матерью и после инцидента так быстро нашли квартиру?

– Да. Что в этом удивительного?

– Почему раньше не сделали этого?

– Потому что мама не вела себя так неадекватно, а я работала, чтобы нас всех прокормить.

– То есть вам не хватало пособий?

– Хватало на минимальные расходы. А у мамы работы нет.

Я ощутила, что на меня начинают давить и мне это было неприятно. Тем более, в данной ситуации мне не просто нужно отвечать, а так чтобы не сорваться, например, и не высказать им все, что я думаю на самом деле.

– А сейчас, живя в такой весьма недешевой квартире и хорошем районе города, вам на все хватает?

– Вполне. Полагаю, что смогу зарабатывать онлайн. Это сейчас популярно для матерей, которые сидят дома с маленькими детьми.

– А отец ребенка? Он помогает вам финансово? – ее вопрос и острый взгляд, буквально фиксирующий каждое мое колебание, пронзал глубоко в грудь.

– Вы должны были прочесть, что я мать-одиночка.

– Но у вашего сына должен быть отец, не так ли? – она снова давила, в то время как вторая смотрела также пристально, но не так жестоко.

– Какое это имеет значение? Я не понимаю, чего вы хотите этими вопросами, – не выдержала напряжения, но и отвечать ей не собиралась. – Мой сын живет в хороших условиях, сыт, одет, любим и счастлив. Это я так понимаю самое важное, что должно волновать органы опеки, не так ли?

– Все так, а еще нас волнует психологическая составляющая матери ребенка. Юные, неопытные, обольщенные кем-то, они могут быть хорошими матерями, но лишь на время. Пока им не надоест. Они начинают выпивать или вести неподобающий образ жизни.

– Обольщенные? Это вы насилие называете такими словами? Я прошла терапию. И я в порядке. Я не состою на учете и не состояла. Мое психическое состояние в норме, как и у обычного человека. А ваши попытки наковырять то, чего нет, отвратительны. Вы пришли в дом к семье, которая не нуждается во внимании. И жаль, что вы тратите время не на тех матерей. Есть дети, которые вас так и не дожидаются, находясь в страшных условиях. Они умирают, а вы и пальцем не шевелите, нанося визиты не по тем адресам.

– Так у нас тут очень умная малолетка, которая, родив не пойми от кого, пытается тыкать нас в нашу работу? – женщина будто сняла с себя верхнюю кожу и превратилась в гадюку натуральную.

– Мария, пошли, – тут вступилась вторая и потянула ту самую Марию Федоровну за руку.

– Нет, ну, погляди. Она решила, что все знает.

Ее голос стал звонче и противней. Но она все же поддалась и пошла на выход. Обувшись, женщина развернулась и не упустила возможности сказать последнее слово.

– Мы взяли на учет вас, Александра. Будем делать визиты периодически, пока вы не вселите в нас уверенность, что ребенок не находится в опасности рядом с вами.

Я не стала отвечать ей и просто ждала, когда они выйдут за дверь, а после закрылась на замок, почувствовав, как дрожат пальцы.

Глава 8

Не знаю, как точно называется это ощущение. Но сейчас я была злой, отрешенной и потерянной. И еще много чего клубилось и зарождалось внутри меня.

Мама, опека, ситуация и сама жизнь... Как же бесит, как достало это. Если раньше я надеялась, что между мной и мамой возможно какое-то потепление, то сейчас я видела гигантскую пропасть, которая нас отныне разделяла. И с каждой секундой, минутой, часом она становилась все больше. Разрастаясь на небывалые размеры. Многого можно просить посторонним. Близким еще больше. Но есть те табу, которые ты даже принять не в силах. И сейчас я не пыталась этого сделать. С меня довольно. Я не хочу биться головой о стену недопонимания, зная, что там пусто. Закрыто на семь замков.

Она делает выбор, а я подстраиваюсь. Так было раньше. Все. Хватит. Теперь свой выбор делаю я.

Гордей на руках начинает возиться. Тянет меня за ухо, и я словно ото сна пробуждаюсь.

– Ну что, пережили мы с тобой их визит, надо отпраздновать бутылочкой смеси и чашкой чая? – целую его в мягкую щечку и ухожу с коридора на кухню.

После кормления сын еще немного гуляет, и после я укладываю его спать на обеденный сон, а сама после стирки принимаюсь снова за объявления о подработке.

Жаль, что с работы в ресторане пришлось уйти и, естественно, отказаться от ресепшена. До садика нам далеко еще, стоит придумать все-таки более-менее надежный план.

Много вакансий было диспетчерских, но полная тишина мне только снится, а сидеть на звонках по ночам я не смогу, потому что иначе превращусь в бледную копию себя живой.

Остальные вакансии были связаны с маркетплейсами. Заполнение карточек товаров, составление описания. Дальше упаковка товаров.

Оплата минимальная, но для подработки вполне подойдет.

Со мной связались две девушки лет тридцати, которые открыли магазин мягких игрушек. У них уже есть три точки в разных крупных городах и как они выразились «вы нас очень выручите», я подошла идеально. Единственное пришлось договориться, что нужен будет курьер, так как я без автомобиля и отвозить коробки, полные плюшевых друзей, не смогу.

Осталось поговорить с хозяином квартиры и спросить, могу ли я воспользоваться второй комнатой как складом. Все же там хранятся вещи. В то же время мне показалась эта мысль глупой совершенно. Однако, живя на практически птичьих, но фантастически удобных условиях, я не могла поступить иначе и хотя бы не предупредив Олега о моих мыслях.

Передо мной встал выбор, как именно до него дозвониться. Либо в компанию звонить, просить, чтобы соединили с секретарем, а уже после пояснения кто я такая, ожидать ответа мужчины, что мне ужасно не нравилось, либо... Ответ на этот вопрос явился сам.

Позвонил в дверь, и когда я подошла открывать, была шокирована в некоторой степени его появлением.

– Здравствуйте, – отошла в сторону и пропустила его в прихожую.

– Здравствуйте, Саша, – проговорил, смотря на меня очень пристально. – Простите, что без приглашения. Не знал вашего номера и решил заехать сам, узнать, как прошло с опекой.

– Проходите, – было неловко приглашать хозяина квартиры в гости, где сама гость. И все же мы прошли на кухню, и я, как принято предложила чай, от которого он в этот раз не отказался.

– Благодарю.

– У меня только такой, извините. Другого нету.

– Люблю чай с клубникой, спасибо.

Я поняла, что это ложь. Думаю, он и не пил ни разу пакетированный, но чем богаты, как говорится.

Пространство стало каким-то маленьким, пока я крутилась у столика и ставила на него печенье, которое сама испекла вчера. Мужчина с интересом за мной наблюдал и, кажется, не сводил глаз, поэтому я невольно зажималась при движении и отводила глаза.

Но когда вновь повернулась, мы столкнулись взглядом и застряли в этом мгновении на пару секунд.

Как-то само собой промелькнуло в голове, что Олег – красивый мужчина.

– Ну так что там с опекой? – прокашлявшись и, выхватив меня из этого мгновения, задает вопрос.

Быстро опускаюсь на стул и обхватываю руками чашку, не заметив того, что она горячая, но мне полезно быть в трезвом уме и не забываться.

– Ну, они пришли. Удивились тому, что я живу здесь и так быстро нашла квартиру. Не забыли сказать о том, что я «хорошая» мама и поставили на учет. Обещали, в общем-то, вернуться.

– Ясно, нашли жертву, стервятники, – проговорил как-то гневно и сжал кружку в руках, будто сейчас раздавит, а я случайно обратила внимание по глупости на его правую руку, но тут же себя одернула за ужасные мысли. – Саша, я оставляю вам свой номер телефона и прошу вас, если вдруг при очередном визите, все зайдет далеко, позвоните мне.

– Ну нет, – встала на ноги от недоумения и переизбытка эмоций в этот день. – С вас, итак, достаточно помощи. Большого я не вынесу.

– Я настаивать не стану, – поднялся следом, после еще одного глотка, явно невкусного чая, – но думаю лучше переступить через гордость и прочие душевные муки, чем биться в одиночку с огромным шансом проиграть не тем игрокам, кто не против нарушить правила.

Он стоял снова рядом, и я уловила нотки его парфюма. Мало разбираюсь в правильных обозначениях слышимых ноток, но мне нравился этот аромат.

Подняла голову, потому что Олег очень высокий, и оказалась под пристальным вниманием, отчего ощутила снова смущение. Он рассматривал глаза. Долго. Иногда хмурясь и сводя брови к переносице, образуя меж ними глубокую складку.

– Хорошо, – ответила, кое-как прогоняя этот морок странных эмоций, и вспомнила о работе. – У меня тоже вопрос... к вам.

Он сделал шаг назад, и я смогла дышать. Все-таки не очень нравится мне, когда скалой нависают, я сразу теряюсь.

– Слушаю, – Олег встает у столешницы кухонного гарнитура, облокотившись на тот, а я отхожу к окну, увеличивая расстояние, между нами.

– Я хотела спросить, могу ли я занять вторую комнату? Мне нужно место для работы.

– Работы? – он смотрит удивленно.

– Да. Я тут нашла в интернете одну. Упаковывать игрушки буду. Не хочу, чтобы сын дышал пылью и всякими там... ну понимаете, – неловко улыбаюсь, но не получив ответа, так как мужчина, сканируя меня, молчал, я начала тараторить быстро дальше. – Нет, если вы против, то я, конечно, не...

– Я не против, – четко и быстро ответил, что я аж поперхнулась своей слюной.

– Оу... Что ж, спасибо, – вышло быстрее, чем я думала.

Мы замолчали, и тишина стала неловкой, какой-то странной. Но ее разбавил крик Гордея и я, извинившись, отправилась в комнату к сыну, которого подняла на руки и крепко целуя сонные щечки обернулась, заметив, что за нами наблюдал Олег, отчего я покрылась налетом неловкого стыда.

– Что ж, я поеду. Всего доброго, – чуть нахмурившись попрощался.

Мы пересеклись с ним в прихожей. И когда мужчина обулся, то улыбнувшись засмотревшемуся на него Гордею сразу вышел за дверь.

После обеда я собралась на улицу с малышом. Погода выдалась просто чудо, было бы большой ошибкой не погулять.

Дошли до небольшого зеленого сквера и свернув направились по ровным дорожкам дальше. Сын уснул быстро, а я не успела и половины пути пройти, как услышала, а потом и увидела знакомый голос.

– Сашка?

– Привет, Герда.

Одногруппницу тут встретить не ожидала, но, может, и неплохо, что теперь будет хоть одна живая душа в моей жизни, помимо сына.

– Ничего себе, – она подошла быстрым шагом и обняла меня.

Не скажу, что мы были подругами, не разлей вода, пока я училась. Но общались хорошо.

– Поверить не могу, что встретила тебя, – ее голос, кажется, и все его интонации, были настоящими, поэтому мне стало приятно, что она это говорит не ради того, чтобы просто выведать, куда именно я пропала и почему. Хотя люди могут порой притворяться так, что не поймешь, где правда и честный интерес, а где фальшь.

– Ну не утрируй, – улыбаюсь ей, когда она, отпрянув, стала делать вид, что ощупывает на предмет реальности меня.

– Нет, я серьезно. Ты ушла с учебы, сменила номер, а адрес твоего дома нам куратор не давала. Да блин, что мы только не думали.

Мне стало в некоторой степени стыдно, что вот так никому с кем дружила, не сказала, что меня они вряд ли скоро увидят, только если случайно, как сейчас. Но в то же время я не могла и не хотела быть откровенной даже в малой степени. Тем более, мама сама всем занималась от начала и до конца, за что я ей очень благодарна.

– Так вышло, – пожимаю плечами.

Она медленно переводит глаза на коляску, видимо, соображая, что я не племянника в ней качу, а своего ребенка.

– Так это... – она смотрит внимательно, на белую накидку, которая скрывает Гордея, потом на меня. Видимо, ждет, что я облегчу ей задачу.

– Мой, – гордо произношу, улыбаясь.

– Ну ничего себе... Ты серьезно? – она искренне подносит руки к лицу и пальцами прикрывает губы. – Обалдеть, поздравляю тебя.

Снова объятия.

– Спасибо.

– Слушай, ты поэтому так тщательно скрылась? Сашка, ты чего? Да плевала бы на окружающих. Тем более, никто бы и слова не сказал. Зря ты в шпионов так долго играла. Ребенок – это же круто. Да и каждый сам решает, когда становиться мамой.

Ее голос был мягким. Приятно, если честно становилось с каждым словом, которое она произносила в знак поддержки. И пусть не совсем правильно в отношении меня были ее мысли о том, что мы решаем, когда стать мамой. Я решила оставить моего малыша, но то самое решение было принято не мной. Однако спросить с ней я не хотела.

– Да, ты права. Ребенок – это нечто невероятное.

– Саш, а глянуть можно?

– Сейчас, только от солнца отверну, чтобы не проснулся.

– Мальчик, да? – киваю ей, аккуратно приподняв ближние колеса за ручку и развернув на сто восемьдесят градусов. – Как зовут?

– Гордей.

– Красивое имя.

Поднимаю накидку, и на нас смотрят любимые глазки.

– Так он не спит, – мы обе улыбаемся ему, а я даже смеяться начинаю.

– Вот это новости. И лежал так тихо.

– Какой он милашка, Саш.

Как только сын почувствовал внимание, сразу же начались капризы и я, вытащив его из коляски, стала хвалиться своим красавцем, а он подыгрывать и пищать.

Герда смеялась, и я рада была, что она так восприняла без осуждения мой новый статус.

– А сколько ему?

– Полгода.

– Ой, такой маленький. А на руки можно, возьму?

– Конечно, только аккуратно, – не могу не попросить ее об осторожности.

– Обещаю крепко держать, – отвечает без обид и протягивает руки к нему. – Пойдешь к тебе на ручки?

Ну и кто бы сомневался, что он не начнет тянуться вперед к новой тете. Удивительно, но Гордей не боится чужих. Правда, тех, кто говорит очень громко, все же опасается. А так, уже обосновался на руках Герды и радостно исследует ее одежду.

– Саш, так ты замуж вышла? – аккуратно интересуется.

Знакомых я не встречала и на подобные вопросы мне отвечать не приходилось, но все же я не растерялась.

– Нет, он просто мой сын и все, – малыш тянется ко мне обратно, и я забираю его.

Кладу его в коляску и даю соску, так как рано еще кушать.

– Нужно уложить его.

– Давай вместе погуляем, я не тороплюсь. Вышла в магазин и пройтись думала.

– Хорошо, я не против.

Мы медленно шагаем вперед, наслаждаясь выдавшимся солнечным днем, потому что совсем скоро осень по полной станет охлаждать нас после жаркого лета.

– Значит, мы с тобой в одном районе живем. Я и не знала.

– Я тут на квартире. Просто решила отдельно пожить.

– Ааа, ну правильно. Я матери говорю, что как только начну работать, на фиг съеду вслед за братом старшим.

– Не ладите?

– Не то чтобы вообще, но мне и не пять лет. В общем, бодаемся на фоне разных характеров и взглядов на жизнь. Если бы дали в общаге место, съехала не задумываясь.

– Бывает. Мы с мосей так же. Поэтому я теперь живу здесь, а мама там.

– Правильно. Ты же не вычеркиваешь ее из жизни. Тем более, она бабушка карапуза, в любой момент может приехать к тебе.

Немного взгрустнулось от ее слов, ведь, по сути, все совсем наоборот. Тот барьер, что нас разделит не просто перейти, может, и невозможно вовсе.

– А мелкий твой мне кого-то напоминает. Не понимаю кого, но вот посмотрела и прям ощущение словно видела.

Меня передернуло от ее слов. Понимаю ее интерес, но уверена, что она не знает того подонка, который решил, что имеет право на мое тело в ту ночь.

Секундой перед глазами пронесется его лицо, мерзкий смех и я останавливаюсь, зажмуриваясь. Потому что, несмотря на терапию и общение с Валентиной Артемовной, бывает, все всплывает картинкой. И она настолько живой ощущается, что я не сразу могу взять себя в руки. Редко, но случается. Вот и сейчас, я ощутила то самое омерзение.

– Ты чего? Плохо? – слышу вырывающий меня из кошмара голос Герды.

Вдыхаю полной грудью и открываю глаза.

– Все в порядке, – прокашливаю вставший в горле ком и с трудом улыбаюсь ей, делая шаг вперед.

Мы продолжаем путь, говорим об учебе, нашей группе и прочем. Много узнаю о том, как они там проживают. Мне и самой нравилось учиться. Быть может, я продолжу и получу образование, но явно нескоро это будет. Может, и никогда.

– А давай встретимся еще? Погуляем?

– Хорошо, я не против.

– Я могу девчонок с группы позвать. В кафе сходим и...

– Герда у меня ребенок, – улыбаюсь ей, стараясь говорить понятно и не грубо. Так чтобы поняла, кто в моей жизни сейчас важнее всего.

– Поняла. Ну, можем тогда просто опять тут погулять. А если твоя мама посидит с ним ночью, то и в клуб...

Нет, она не понимает. Хотя я и не поясняла особо ничего, ни по поводу мамы, ни по поводу клубов и ночных вылазок в клубы, куда я больше никогда не пойду.

– Мы с мамой не в лучших отношениях, и я не хочу в принципе туда идти.

– Ладно, – она поднимает руки сдаваясь. – Значит, тему не поднимаем.

– Спасибо.

– Я рада, что встретила тебя. Номер дашь? Не хочу опять потеряться, – улыбается так, будто я откажу.

– Конечно. И насчет одноклассниц я не против погулять, тут или в соседнем районе, там хороший парк развлечений.

– Я им скажу завтра и тебе отпишусь.

– Спасибо, – искренне благодарю ее, потому что чувствую, как мне необходимо общение. Чтобы снова начать жить и ощутить, что я могу это сделать.

Глава 9

Я сомневалась, что многие решат вновь меня увидеть. Я не была душой компании, общалась с небольшим количеством человек. И надеялась, что те, кто сейчас пришел в этот день в парк, здесь не ради того, чтобы просто посмотреть на меня и сына, а после долго и злорадно обсуждать интересную на какое-то время тему.

Благо малыш спал. Однако девчонки, конечно же, попросили поднять тюль и умилились каждая тому, что он такой крошка, наговорив кучу комплиментов.

Мы говорили о многом. Каждая поведала о своих успехах или, наоборот, в учебе, да и личную жизнь коснулись, попутно задав главный вопрос мне – кто отец моего ребенка и почему мы не расписались.

– Так, – выступила вперед Герда, – а кому татары оторвали носы, которые лезли не в свое дело?

Девочки смутились от своего слишком настойчивого рвения залезть в мою душу и отступили, а я поняла, что мне стоит придумать легенду. Ведь подобные вопросы будут продолжаться и мне стоит что-то начать отвечать, только далекое от той правды, которой делиться с кем-то я не желаю. Ведь однажды и сын задаст мне этот вопрос, и я должна быть готова отвечать без колебаний и правдиво.

– А ты чем занимаешься помимо материнства?

На меня уставились шесть пар глаз.

– Да вот как пять дней с этого понедельника работаю упаковщицей игрушек на дому. Магазин-онлайн. Мне курьер привозит уйму товара. И я по заявке оформляю нужное количество заказов, а затем, снова курьер забирает и на склад, откуда уже по адресам.

– Круто, для дома самое то. Я видела такие объявления часто. Че платят?

– Ну, оплата, конечно, не очень большая, особенно для большого города. Однако у меня пособия есть, а это дополнительный заработок. Обещали двадцать тысяч. От объема зависит, плюс у меня занятость полная фактически и ежедневная. Девочки давно искали в нашем городе человека. Правда, с телефона не очень удобно. Я думала будет проще, тем более в объявлении так написано, чтобы был телефон. Особенно когда Гордей не спит. Теперь вот думаю, что придется на Авито поискать б/у ноутбук, но в хорошем состоянии. И как совместить все это со словом «дешевый и более-менее «качественный, не имею понятия.

– Пфф, там этого добра навалом, – все снова загудели, обсуждая известную «интернет-ярмарку».

– Погоди, у меня брат хотел менять ноут. Я у него спрошу, потом скажу тебе че по чем, – отозвалась Таня.

– Спасибо, буду очень рада. А то искать на сайте очень долго. Да и мне неудобно будет, к примеру, поехать посмотреть, оценить, учитывая, что я в них не разбираюсь. В общем, спасибо. Благо телефон хороший взяла давно.

Мы еще недолго погуляли. Обедали в кафе небольшом и разошлись, обменявшись номерами.

Я была искренне рада и ощутила именно то, что хотела. Нечто живое. Нечто нужное мне.

Выходные прошли быстро. Я все ждала, что мне позвонит мама. Ведь для нее я ушла в никуда. Пусть она и видела, что я была с Олегом...

Вспомнив о нем, я отчего-то снова задумалась. Не знаю, почему так получается. Стоит вспомнить об этом мужчине, который мне очень и очень помог, как никто в жизни до него не поступал в моем случае, я выпадаю в мыслительный транс. И в голове нет чего-то определенного. Я просто... просто думаю, что мне повезло встретить его. Вот и все. Во всяком случае дальше не пропускаю, хотя какие-то нити тянутся и глубже.

Работа мне нравилась и тот факт, что мои начальницы две женщины, лет на десять старше меня еще больше. Они относились с пониманием к тому, что у меня маленький ребенок, позволяли что-то сделать чуть позже, пока я, к примеру, не уложу сына спать. Мы часто с ними созванивались, в том числе и по видео связи.

Таня, которая обещала, так и не звонила, что расстроило. Мне действительно было бы удобней купить ноутбук у ее брата, чем у незнакомца. А самой напоминать и быть навязчивой не хотелось.

Правда, во вторник, мне позвонил незнакомый номер.

– Алло?

– Привет, ты Саша? Я Иван, Танюха сказала, тебе ноут нужен?

– Привет, – выдохнула, потому что я редко поднимаю трубку с неизвестных номеров, не знаю, почему в этот раз ответила, словно чувствовала, что стоит это сделать.

А все потому, что после той самой ночи, произошедшей почти полтора года назад, он звонил мне и угрожал... Скидываю оцепенение быстро, чтобы не показаться странной.

– Да, я хотела бы приобрести ноутбук недорого и главное, чтобы в интернет выходил. Ну и кое-какие программы нормально работали без сбоев, если это возможно.

– Понял. Тогда подойдет. За пятнашку продаю, потому что срочно.

Мысленно выругалась. Такая сумма у меня есть, даже в сбережениях, но все равно много, хоть и необходимо, в итоге будет купить.

– Можешь, не знаю, частями отдать, если проблема. Вы ж с сестрой знакомые, не кинешь? – я услышала в его голосе нотки веселья, и сама улыбнулась.

– Не кину и заплачу сразу.

– Ну как хочешь. Сама приедешь посмотреть?

– Эм... Такое дело. Мы могли бы, допустим, встретиться где-то в районе парка на кольце.

– Ну, давай там, боишься, что ль? – он хмыкнул, а мне неловко стало.

– Конечно, нет. У меня просто маленький ребенок. С коляской до парка ближе всего дойти.

– О, ну давай тогда я сам приеду. У меня машина есть.

– Если несложно, то я была бы очень благодарна.

– Лады. Вечерком заскочу тогда, после работы.

– Хорошо, адрес скину в смс.

Тот самый Иван, оказался светловолосым, высоким и немного худощавым парнем, лет двадцати пяти. Они с Таней были очень похожи. Гордей в это время спал, когда он приехал, и мне было удобно посмотреть компьютер и оценить, что он действительно в хорошем состоянии. Пусть я и понимала-то в нем совсем ничего.

После того как я отдала ему деньги, порадовавшись тому, что в комплекте шла сумка и мышка, решила попросить помощи с внутренним его «миром».

– Иван, а ты не мог бы мне помочь и показать, где тут какие программы.

Объяснила, какие мне нужны и он, кивнув, прошел на кухню.

Конечно, мне стоило трудов просить об этом малознакомого мужчину, и все же, как часть терапии я должна это делать.

Он все предельно просто обозначил. На рабочий стол вынес основное, а в браузере создал закладки, чтобы я не бегала по страницам и не искала. Не успела поблагодарить, услышала мужское покашливание.

Повернулась к внезапному гостю и застыла, словно меня застали на чем-то плохом.

Иван тоже обернулся, и быстро поднявшись из-за стола, начал собираться. Жаль, он не показал, как пользоваться всем этим собственноручно.

– Здрасьте, – поздоровался с Олегом, как и я.

Мы все замерли в маленьком пространстве. И все виделось в каком-то глупом свете.

– Ну ладно, пользуйся, Саш.

– Еще раз спасибо.

Проводила парня и вернулась на кухню, где остался стоять хозяин квартиры.

– Здравствуйте, еще раз и простите, что тут был гость.

Мне показалось, что я не имела права приглашать кого-то сюда.

– Привет, – как обычно, ответил и отмер наконец-то, приковав свой взгляд к ноутбуку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.